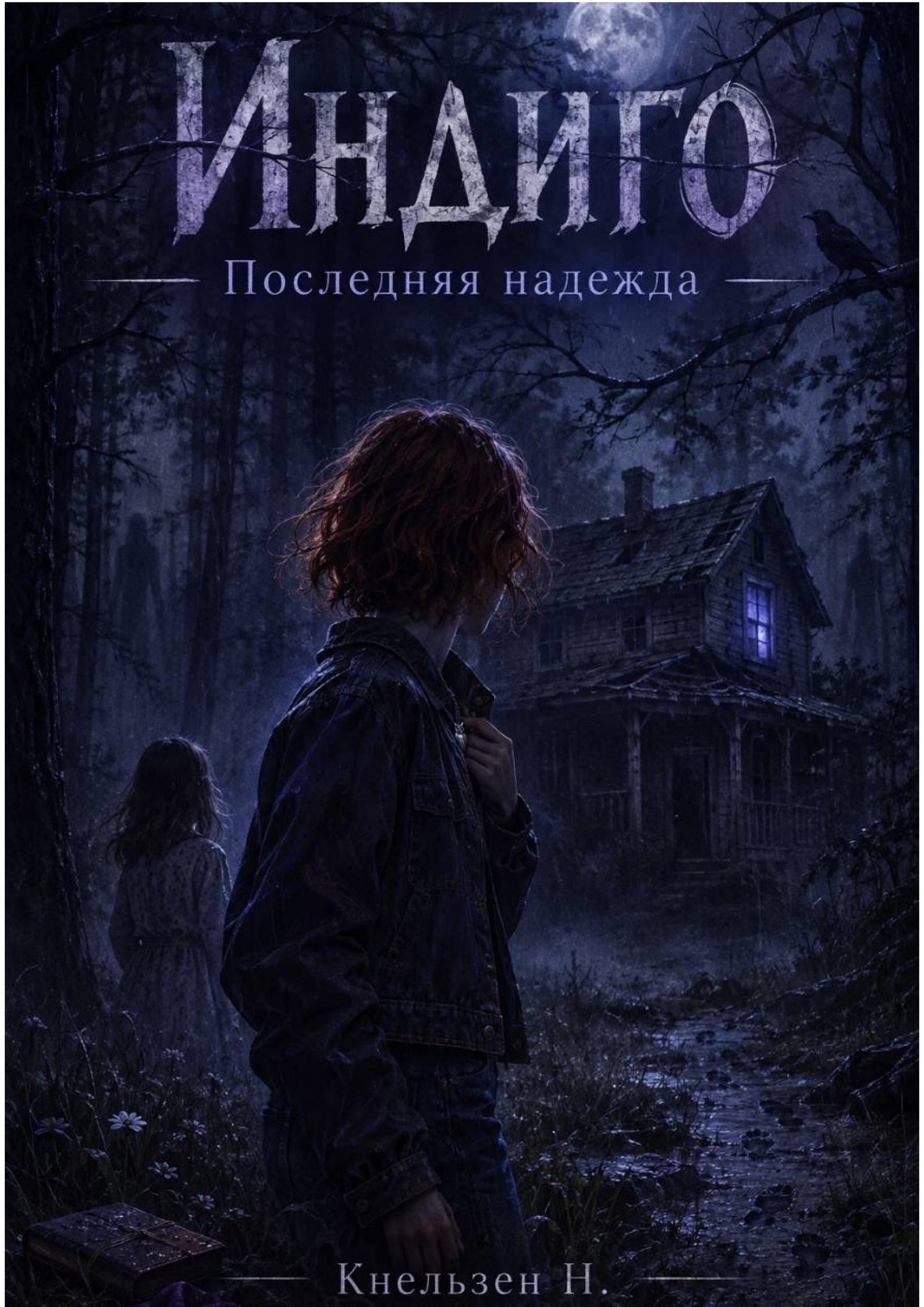

Индиго
Последняя надежда
Кнельзен Н.

Надежда Кнельзен

Индиго. Последняя надежда

«Автор»
2026

Кнельзен Н. В.

Индиго. Последняя надежда / Н. В. Кнельзен — «Автор», 2026

В четырнадцать лет Афея Хоуп привыкла не доверять никому. Постоянные переезды, равнодушие родителей и насмешки окружающих научили её полагаться только на себя. Но переезд в старый бабушкин дом на окраине Гринхилла переворачивает её жизнь. Город охватывает волна странных событий, а в лесу скрывается старый приют, хранящий тайны необычных способностей. Когда семейная трагедия лишает Афею всего и вынуждает бежать с младшей сестрой, девочка оказывается втянута в опасную игру. Единственный, кому она решается довериться, — незнакомец, подобравший их на дороге, Эйден Глум. Но действительно ли он оказался рядом случайно? Теперь, столкнувшись с загадочными событиями и тайнами прошлого, Афея начинает подозревать, что обладает даром Индиго. И чем ближе Афея подходит к разгадке природы собственных способностей, тем яснее понимает: она — ключевая фигура в борьбе за будущее, где именно Индиго могут оказаться последней надеждой.

© Кнельзен Н. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Новый дом 5
Глава 2. Гринхилл 10
Глава 3. Энди Блайт 15
Глава 4. Разрушенное утро. 19
Глава 5. Место Энди. 22
Глава 6. Гость. 29
Глава 7. Внутри кошмара 35
Глава 8. Кровавый долг 40
Глава 9. Монстры здесь 45
Глава 10. Заправка. 50
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Надежда Кнельзен
Индиго. Последняя надежда

Глава 1. Новый дом

1988 год.

Лето уже заметно перевалило за свою яркую, шумную середину. Трава у дороги местами выцвела, листья на деревьях потемнели по краям, и даже солнце светило как-то ленивее, словно тоже знало, что сезон идёт к концу. Воздух ещё держал жару, но в ней было ощущение, что всё хорошее случилось где-то раньше и не здесь.

Дом встречал не скрипом, а молчанием. Старые дома сразу выдают свой возраст: жалуются половицами, ворчат дверными петлями, глухо отзываются трубами. Этот же молчал так, будто выжидал. Внутри было прохладно и сухо, но воздух казался тяжёлым от времени, которое здесь копилось годами и оседало на всём тонким слоем пыли.

Это был бабушкин дом, выцветший, отделённый от города полосой леса, словно нарочно спрятанный от людей. Ещё совсем недавно она жила здесь, но теперь, спустя несколько месяцев после смерти, её образ в памяти Афеи уже начинал распадаться. Зато последний приезд сюда прошлой осенью врезался в память особенно ясно. Тогда бабушка, словно чувствуя близкую смерть, о чём-то долго говорила с отцом. Афея не знала, о чём именно шёл разговор, но была уверена, что бабушка догадывалась, через какие трудные времена проходит их семья.

Отец называл переезд шансом, но Афея не называла его никак. Она вообще редко давала названия тому, что не могла изменить. Так было проще не привязываться. Ведь если ты не даёшь имени, оно будто не становится реальным.

Они только занесли первые коробки, а мать уже начала раскладывать посуду по полкам. Отец возился с телефоном, отходил к окну, возвращался, снова смотрел на номеронабиратель, но так и не решался набрать номер. Его плечи были напряжены так, как бывают напряжены у людей, которые стараются не показывать страх и этим только сильнее выдают его.

Зайдя внутрь, Афея сразу поднялась на второй этаж. Наверху было меньше голосов, меньше чужого движения, меньше ощущения, что ты стоишь у кого-то на пути.

Её новая комната, бывшая спальней бабушки, встретила её запахом пыли. Полки в шкафу были пустыми, а на стенах оставались бледные прямоугольники, следы от картин, снятых несколько лет назад. На подоконнике лежала тонкая полоска пыли, которую не тревожил даже сквозняк. Дом будто удерживал воздух внутри себя.

Афея поставила рюкзак на пол и огляделась. Комната была больше, чем она ожидала, но это не делало её лучше. Пустота в ней не казалась свободой, скорее напоминала о том, что здесь до неё никто не собирался оставаться надолго. У стены стояла узкая кровать с тёмным деревянным изголовьем. Матрас был накрыт старым покрывалом с выцветшим узором. Рядом стояла прикроватная тумбочка с царапинами на углах, словно её годами двигали с места на место. Под окном висели тяжёлые шторы.

Афея подошла к окну и чуть отодвинула одну из штор. Во дворе виднелась неровная площадка с клочками сухой травы, песочницей и старой качелей, цепи которой едва заметно шевелились от ветра. Дальше начинался лес – тёмный, густой, слишком близкий. Возникало ощущение, что дом не просто стоит рядом с лесом, а вдавлен в него со всех сторон.

Ей не нравились такие комнаты. В них всегда приходилось начинать с нуля: заново раскладывать вещи, заново запоминать, где скрипит пол, как закрывается окно, какой угол ночью кажется особенно чужим. В каждом новом доме сначала возникало чувство, будто стены к тебе присматриваются, и только потом уже ты к ним.

Её внимание медленно перешло к мебели, особенно к тому, что обычно хранило забытые вещи. В углу у двери стоял старый комод. Он выглядел не как часть обстановки, а как предмет, который оставляют не из пользы, а потому что «это же бабушкино».

Афея подошла к нему, выдвинула верхний ящик и начала поочерёдно доставать старые вещи. Сначала она вынула салфетки, уже помятые и пожелтевшие от времени, следом перебрала рассыпавшиеся по дну пуговицы, затем взяла в руки баночки с лекарствами и прочитала выцветшие названия на этикетках. После этого Афея достала несколько старых тетрадей и полистала их. Все страницы были исписаны разными записями. Где-то между строк проступали набросанные ручкой очертания лиц, кое-где тянулись длинные столбцы цифр. Какая-то взрослая, непонятная ерунда.

Наконец она взяла альбом, лежавший под стопкой тетрадей. Перелистывая страницы, Афея разглядывала фотографии, о которых раньше никто никогда не говорил. На большинстве снимков была изображена молодая пара с ребёнком. Где-то они были в компании множества людей, где-то мужчина качал маленького сына на качелях, где-то пара с ребёнком стояла на фоне леса.

«Отец», – подумала Афея, глядя на маленького мальчика. Она очень редко видела его смеющимся или хотя бы просто улыбающимся. На этих же фотографиях он улыбался всегда. Афея многое бы отдала, чтобы отец снова мог так же смеяться в кругу семьи.

Её удивило, что на всех снимках отцу было не больше трёх-четырёх лет. Будто после этого в семье пропал всякий смысл делать семейные фотографии.

Перелистнув ещё несколько страниц, Афея вдруг заметила, что одна из них легла как-то неестественно. Она остановилась, вернулась назад и присмотрелась внимательнее. К фотографии, на которой был изображён дедушка Афеи, скотчем был прикреплён маленький свёрток бумаги. Афея осторожно отлепила скотч и развернула лист.

«Чудеса в сердцах».

Фраза выглядела странно. К листу была прикреплена тонкая цепочка с кулоном.

Афея вытянула её и замерла. На ладони лежал кулон в виде совы, выполненный с неожиданной тщательностью: чёткие крылья, маленький клюв, круглая голова. В глаза были вставлены чёрные камни. На грудке ещё несколько, уложенных так ровно, будто эту вещь делали не на продажу, а для кого-то конкретного. Кулон оказался тяжелее, чем должен был быть.

Афея повертела его в пальцах. Камни не сияли ярко, но давали плотный, тускловатый отблеск. В украшении было слишком много веса, слишком много внимания к деталям, слишком много ощущения, что оно не случайно оказалось именно здесь.

Она поднесла кулон ближе к лицу. Металл был холодным, словно его только что вынесли из тени. Афея снова посмотрела на лист.

«Чудеса в сердцах».

Слова неприятно цеплялись за мысль. В чудеса она не верила. Чудеса это то, о чём любят говорить, когда не хотят смотреть на вещи прямо. А реальность Афеи была простой: если тебе что-то обещают, значит, чего-то от тебя хотят; если тебе улыбаются, значит, ждут, что ты поверишь; если тебе говорят «всё будет хорошо», значит, будет плохо, просто не сейчас.

И всё же кулон лежал на её ладони так, будто давно её ждал.

Она надела цепочку на шею, и металл коснулся кожи. Холод скользнул по ключицам и ушёл ниже, оставив под рёбрами неприятное ощущение. Афея резко вдохнула, но кулон не сняла. Упрямство было её самой надёжной привычкой: если вещь пытается её напугать, она не доставит ей этого удовольствия.

Она сложила записку, сунула её в карман джинсов и вышла из комнаты. Если не показать родителям сейчас, потом обязательно скажут, что она снова что-то скрыла. В этом доме, как и в предыдущих, обвинения обычно находили её быстрее, чем помощь.

На первом этаже шумела кухня: мать переставляла тарелки, открывала и закрывала дверцы шкафов. Отец говорил по телефону вполголоса. Он стоял у окна, отвернувшись так, словно сам разговор нельзя было видеть.

Афея остановилась на пороге кухни.

– Я нашла кое-что в комнате.

Мать не обернулась.

– Афея, не сейчас, – сказала она.

– Это бабушкино, – добавила Афея. – И там была записка.

Отец на секунду замолчал, но потом снова заговорил. Значит, это не было важно. Всё, что приносила Афея, оказывалось неважным, если не решало проблемы отца.

Мать наконец повернулась. Лицо у неё было собранное, усталое, с тем выражением, которое не располагает к разговору, а заранее готово его прекратить.

– Что ты нашла? – спросила мать.

Афея подняла кулон, чтобы его было видно. Мать скользнула взглядом по сове и сразу потеряла интерес.

– Украшение? – сухо сказала она. – Положи в коробку. Потом разберёмся.

– Там написано, – Афея достала записку и развернула. – «Чудеса в сердцах».

– Господи, Афея, ты серьёзно? – Мать устало вздохнула. – Мне сейчас не до твоих находок. Не мешай.

Слова «не мешай» звучали в её жизни чаще, чем «как ты».

– Иди лучше к Агнес, – продолжила мать, и голос стал жёстче. – Она сидит одна, а ты тут с бумажками.

Агнес. Та, которую можно было вписать в любой разговор, даже если он начинался с Афеи.

– Я просто хотела показать, – сказала Афея. – Это было спрятано. Не просто валялось.

Но мать уже отвернулась.

– Афея, хватит. Помоги сестре. И не начинай.

«Не начинай» означало не задавай лишних вопросов, не заставляй взрослых чувствовать себя виноватыми, не требуй внимания, не усложняй.

Афея стиснула зубы и вышла в коридор. По дороге к комнате сестры она поймала своё отражение в зеркале прихожей. Рыжая, веснушчатая, худощавая, с короткими взлохмаченными волосами, будто её только что заставили подняться с пола. Лицо спокойное, без выражения. На фотографиях, которые родители делали «на память», она всегда получалась одинаково, будто не жила внутри жизнью.

Собственная внешность ей не нравилась. Слишком заметные волосы, слишком яркие веснушки, вечно торчащий вихор, который не брала ни одна расчёска. В школе это замечали сразу. Там вообще быстро находили, за что зацепиться. Шептали «морковка», хихикали про «рыжую бестию», спрашивали, не сгорела ли она на солнце. Кто-то однажды сказал при всех, что она похожа на тыкву, и после этого Афея научилась держать лицо ещё серьёзнее.

Не то чтобы её задевали сами слова. Слова были слишком мелкими, чтобы иметь вес. Её раздражало другое: то, с какой лёгкостью эта толпа посредственностей позволяла себе судить о ней. Стоило ей войти в класс, как у каждого находился повод посмеяться над её внешностью, над её спокойствием, над тем, что она не пыталась влиться в их глупую, шумную стаю. Но стоило начаться контрольной или задать что-то сложнее примитивной зубрёжки, как те же самые люди мгновенно меняли тон, начинали улыбаться, лезть с разговорами, делать вид, будто они с ней на равных. Это было особенно омерзительно. Они смеялись над ней только до тех пор, пока не вспоминали, что сами слишком тупы, чтобы справиться без её помощи.

Поэтому Афея ненавидела постоянные переезды семьи. Каждый новый город, каждая новая школа означали одно и то же: сначала любопытные взгляды, потом насмешки, потом

неизбежное осознание, что среди этих людей ей снова нет никого равного. Обычная подростковая масса: шумная, жестокая и поразительно примитивная.

Мать, как всегда, находила для них оправдания. Говорила, что они просто подростки, что это возраст, что всё пройдёт. Афее было четырнадцать, столько же, сколько и им, но она давно перестала верить в разговоры про возраст, трудный период и прочие удобные объяснения. А взрослые цеплялись за эти объяснения с готовностью трусов, лишь бы не признавать очевидное: дело не в возрасте. Большинство людей мелочны, жестоки и глупы. И от того, что они однажды вырастут, умнее они вряд ли станут. Взрослые часто называют это возрастом, лишь бы не признавать, что они тоже виноваты.

Афея вошла в комнату Агнес. Сестра сидела на полу рядом с коробкой игрушек и держала в руке сорванный цветок. В чём-то она уже сейчас была похожа на мать: такие же тёмные глаза, тонкие черты лица, внимательный неподвижный взгляд. Только в этом лице ещё не было взрослой усталости.

В пять лет Агнес не говорила. Родители объясняли это осторожными, удобными фразами: «Она всё понимает», «Она просто по-другому выражает себя», «Врачи сказали, надо время». Никто не произносил вслух ничего определённого. Афея давно поняла, почему. Если болезнь назвать прямо, придётся признать, что она реальна. А если признать, значит, уже нельзя будет делать вид, будто всё под контролем.

Агнес подняла глаза и уставилась на кулон у Афеи на шее. Взгляд был долгим и слишком сосредоточенным для ребёнка, которого обычно считают занятым только собой. Афея снова почувствовала холодок у ключиц.

– Тебе нравится? – спросила она не столько из интереса, сколько потому, что не знала, что ещё сказать.

Агнес не ответила. Она перевела взгляд с кулона на цветок в своей ладони, потом снова на Афею и после короткой паузы молча протянула ей этот цветок. Стебель был неровный, лепестки слегка помятые, белые, с желтоватой сердцевиной.

Афея посмотрела сначала на цветок, потом на сестру.

– Оставь себе, – сказала она сухо.

Агнес не убрала руку. Тогда Афея раздражённо выдохнула и отвела её ладонь в сторону.

– Цветы приносят мёртвым, – сказала она. – Мне эти сорняки не нужны.

Лицо Агнес едва заметно дрогнуло. Она опустила глаза на цветок, будто не поняла, чем он провинился, затем медленно сжала стебель в кулаке и продолжила сидеть на полу, уже не глядя на Афею.

Афея сильнее стиснула край футболки и отвернулась к окну. Снаружи тянулся лес: тёмный, густой, безлюдный. Гринхилл казался не городом, а точкой на карте, куда люди приезжают не жить, а прятаться. В каком-то смысле так и было.

Отец Афеи всю жизнь занимался автомобилями: перекупкой, продажей, «выгодными сделками». Раньше он говорил о машинах так, будто действительно понимал в них больше остальных. Потом рынок, по его словам, изменился: появились новые марки, другие требования, новые правила, и он начал проигрывать. Не в споре и не в отдельной сделке, а в жизни.

Долги не пахнут бензином. Они пахнут страхом. Его выдают бессонные разговоры ночью, слишком тихие голоса за закрытой дверью, привычка вздрагивать от звонков. Банк, кредит, имя «Блэйд Дэвел», которое время от времени всплывало в разговорах родителей, когда они думали, что дети спят. Афея не знала всех подробностей, но знала достаточно: долг – это повод отнять у тебя всё.

Мать Афеи была худощавой женщиной с длинными пальцами человека, привыкшего держать списки, документы и ситуацию под контролем. Она ненавидела неожиданности. У неё всегда должен был быть план на случай неприятностей, даже тех, которые невозможно пред-

сказать. Её спокойствие держалось только на последовательности действий. Когда последовательность рушилась, вместе с ней трещало и всё остальное.

Афея не любила их обоих. Не так, как дети иногда говорят, что не любят родителей после ссоры. Это было другое чувство, более старое и более твёрдое. Она не любила их за годы привычного равнодушия, за то, как легко они замечали её только тогда, когда она становилась неудобной.

О детстве Афея старалась не вспоминать. Оно было невыносимо именно своей пустотой, своей унизительной недосказанностью. В её памяти оно не складывалось в цельную историю, а распадалось на отдельные сцены. И в каждой из них она видела не себя, а лишь отражение чужих ожиданий.

Вот отец, уже в пальто, уже на пороге, уже смотрящий мимо неё, обещает прийти на школьное выступление. Тогда Афея ещё умела ждать. Стоя за кулисами вместе с остальными детьми, она снова и снова выглядывала в зал, пытаясь найти его лицо среди чужих лиц, чужих шарфов, чужих улыбок. Но его место так и осталось пустым.

Вот мать берёт в руки очередную размазню Агнес и с улыбкой говорит: «Молодец». Слово, о котором Афея могла только мечтать. Для Агнес у матери всегда находилось доброе слово, всегда находилось время. Но дело было даже не в Агнес. Ещё до её появления мать словно уже не любила Афею. И в этом было что-то особенно унизительное: человек, который должен был быть самым близким, становился самым чужим.

Такое детство не оставляло ей права быть маленькой. Ни беспомощности, ни лишней нежности, ни чувств. Ей казалось неприличным вспоминать себя ребёнком: мысль о собственной детской уязвимости вызывала физическое раздражение. Хотелось отвернуться от той девочки, которая всё ещё смотрела в зал на пустое место, всё ещё ловила редкие интонации одобрения, всё ещё верила, что любовь можно заслужить.

Гораздо проще было думать, что она всегда была такой, собранной, самостоятельной, недоступной. Проще было презирать слабость, чем признать, как отчаянно ей когда-то хотелось самого простого: чтобы на неё посмотрели, остались рядом, сказали: «Я горжусь тобой». Не за что-то. Просто потому, что она есть. Но именно этого ей так и не сказали.

И вся её дальнейшая сила выросла не из уверенности, а из раны, которую никто не заметил. Молчание было единственным, что она научилась по-настоящему удерживать при себе.

И вот теперь бабушкин дом. Чужой, тихий, отрезанный от города полосой леса. В нём всё казалось одновременно заброшенным и слишком живым, словно здесь долго никто не жил, но что-то всё равно оставалось на своих местах и никуда не исчезало. Даже тишина в этом доме не успокаивала, а только сильнее подчёркивала, что они здесь чужие.

Афея смотрела в окно и впервые за весь день подумала без раздражения и злости: переезд ничего не изменил. Они не оставили прошлое позади, только привезли его с собой. И почему-то именно здесь, в этом доме, это чувствовалось особенно ясно.

Глава 2. Гринхилл

Дождь здесь не начинался, он просто был. Утром висел в воздухе мелкой взвесью, днём превращался в серую стену, а ночью бил по крыше так, будто хотел расшатать весь дом.

С каждым прожитым днём Афея всё больше убеждалась: дом бабушки не выглядел новым началом. Скорее он походил на последний вариант, к которому обращаются, когда все остальные уже отпали.

Раньше у них был другой дом, светлый, удобный, с нормальной плитой, ванной без ржавого налёта и машиной, которая заводилась без долгих уговоров. Афея хорошо помнила ту жизнь. Тогда деньги воспринимались чем-то таким же естественным, как свет на кухне или вода из крана.

Теперь всё изменилось. Экономия стала привычкой. Отец называл это временными трудностями и говорил так уверенно, что, возможно, сам себе верил. Афея называла проще: они стали бедными. И вместе с деньгами из их жизни исчезло ощущение безопасности.

В этом доме ей сразу начали сниться кошмары. Прежде Афея бы лишь усмехнулась, скажи ей кто-нибудь, что место может пугать. Она привыкла думать, что страха в ней нет, что испуг – это удел слабых, впечатлительных, тех, кто придумывает опасность там, где её нет. Но новый дом упрямо ломал это убеждение.

Лучше всего ей запомнился один повторяющийся сон. Ей снился лес, но не тот, что виден днём из окна, а другой, более тесный и бесконечный. Ветки цеплялись за волосы и рукава, а земля под ногами была холодной и вязкой.

Ей казалось, что за ней кто-то идёт, хотя она никого не видела. Слышался шёпот, будто лес переговаривался сам с собой и не замечал, что она слушает.

Потом во сне среди деревьев появлялся дом. Он стоял там, где стоять не мог, посреди чащи, тёмный, перекошенный, с провалами вместо окон. Дверь была приоткрыта.

Афея знала, что входить не нужно. Она пыталась кричать, пыталась остановиться, но тело не слушалось, и каждый раз ноги всё равно тащили её к крыльцу, будто сам сон не оставлял ей другого выбора.

Внутри дом оказывался больше, чем снаружи. Коридоры вытягивались, как кишки. Лестницы уводили в темноту, где не было второго этажа. За закрытыми дверьми слышалось тяжёлое, терпеливое дыхание, будто кто-то ждал, когда она подойдёт ближе и коснётся ручки.

Штукатурка на стенах осыпалась, в углах висели клочья паутины, на полу валялись щепки и стекло. Мебель была сломана. Внутри чувствовался запах плесени.

В тёмном углу сидела старуха, сжавшись в комок. Лица её видно не было, только силуэт: острые плечи, тонкая спина, узловатые пальцы, вцепившиеся в ткань ночной рубахи. Волосы спутанными прядями спадали ей на грудь. Казалось, она дрожит.

Старуха что-то шептала. Голос у неё был хриплый, надтреснутый, и в нём звучало такое отчаяние, что у Афеи внутри всё стыло. Сначала слова было трудно разобрать. Старуха бормотала слишком быстро, захлёбываясь воздухом, иногда переходя на беззвучное шевеление губ. Но затем шёпот стал яснее.

– Господь… Господь, услышь меня… – шептала она, закрывая лицо руками. – Они здесь… демоны окружили меня… я не могу… я больше не могу одна…

Её плечи затряслись.

– Эти мысли… ядовитые мысли… они лезут в голову, как черви… они топят меня… Господь, не оставляй меня… не оставляй меня одну с дьяволом… не оставляй… не оставляй… Господь, запри двери… Господь, не дай ему войти…

Она повторяла это снова и снова, как молитву, которую страшно забыть. Афея хотела окликнуть её, спросить, кто она и что здесь произошло, но горло будто сжала ледяная рука.

Старуха вдруг затихла. Тишина стала такой полной, что в ней можно было услышать, как где-то внутри стен скребётся что-то маленькое и настойчивое. Потом старуха отдёрнула руки от лица и развернулась к Афее. Это движение было слишком резким для её возраста.

Лицо старухи было словно разрезано на множество частей. Не порезано случайно, а именно разделено, как если бы кто-то взял тупой нож и медленно, с чудовищной терпеливостью, кромсал кожу, щёки, лоб, губы, пока лицо не превратилось в страшную, рваную маску. Из этих разрезов сочилась густая чёрная жидкость, не кровь, а что-то темнее и плотнее, как смола. Она стекала по морщинам, собиралась на подбородке и капала на грудь тяжёлыми каплями.

Один глаз был широко распахнут, мутный, налитый красными прожилками, другой утонул в распухшей рассечённой плоти. Губы были лопнувшими, неровно распоротыми в углах, и изо рта тонкой струйкой текла кровь, смешиваясь с чёрной жижей. Когда старуха открыла рот, Афея увидела, что нескольких зубов нет.

Но хуже всего было выражение лица. На изуродованном лице застыло безобразное, невозможное выражение: смесь мольбы, ужаса, боли и какой-то безумной, судорожной радости, будто в последнюю секунду перед смертью старуха увидела нечто, что одновременно свело её с ума и заставило улыбнуться.

Улыбка эта разорвала раны на щеках шире. Чёрная жидкость потекла сильнее. Старуха хрипло втянула воздух и заговорила уже другим голосом, глубже, как будто кто-то ещё шептал вместе с ней из самой её глотки:

– Ты тоже его слышишь?

Афея не могла пошевелиться. Старуха подалась вперёд. Кости в её теле затрещали так громко, словно она ломалась изнутри. С пола вокруг неё медленно растекалась чёрная лужа.

– Здесь никто не ходит один, – шептала она, и теперь её голос уже раздавался будто со всех сторон. – Здесь никто не остаётся собой.

А затем её рот открылся слишком широко, намного шире, чем может человеческий. Кровь хлынула на подбородок. Из глотки раздался сдавленный смех, переходящий в плач. Старуха протянула к Афее руку, длинную, иссохшую, с ногтями, почерневшими и загнутыми, как крючья.

– Он уже видел тебя.

И, прежде чем сон успевал пойти дальше, Афея просыпалась. Она вскакивала в темноте, с тяжёлым дыханием и влажными от пота ладонями, несколько секунд просто сидела в кровати и смотрела по сторонам, проверяя, где шкаф, где стул, где окно. Потом ложилась снова, но уснуть уже не могла.

Но дело было не только в снах. Само место не нравилось ей с первого дня, и это ощущение не ослабевало. Афея ловила себя на том, что ей действительно слышалось, будто лес шумит не так, как должен. Порыв ветра проходил между деревьями, и в этом гуле на секунду проступало что-то похожее на речь.

– Они здесь.

Она резко оборачивалась, но, конечно, никого не было. Только неподвижные тёмные деревья за стеклом.

Но ещё больше Афея встревожилась, когда через несколько дней поехала с отцом в город.

Если Гринхилл и считался городом, то только по привычке. После мест, где они жили раньше, он выглядел небольшим и разрозненным. Дома тянулись вдоль улиц неровными рядами, будто каждый когда-то поставили отдельно, не думая о соседних.

Детские площадки больше напоминали пустыри. Качели были перекошены, песок в песочницах потемнел от дождей, металлическая горка покрылась ржавчиной. По улицам медленно ходили старики в выцветшей одежде, работали в огородах, сидели у заборов, подметали крыльцо и смотрели на проезжающие машины.

Сэм остановил машину у небольшого магазина с потускневшей вывеской.

– Пойдём, – сказал он. – Быстро купим всё, что нужно, и обратно.

Они только вышли, как их окликнули:

– Сэм! Сэмьюэл Хоуп, неужели это ты?

К ним подошёл мужчина лет пятидесяти, широкоплечий, с обветренным лицом и седоватой щетиной. На нём была старая рабочая куртка, испачканная землёй и маслом.

– Скот Уилкс, – сказал Сэм с удивлением и пожал ему руку. – Не ожидал тебя здесь встретить.

– А я уж думал, обознался, – ответил Скот. – Слышал, кто-то занял дом у леса, но не был уверен.

Он перевёл взгляд на Афею.

– Это старшая?

– Да, – коротко сказал Сэм.

Скот кивнул, продолжая рассматривать её чуть дольше, чем было нужно.

– Подросла. Лицо у неё твоё. А выражение нет.

Сэм слегка улыбнулся.

– Всё такой же прямолинейный.

– Возраст, – ответил Скот. – И место. Здесь быстро отвыкаешь ходить вокруг да около.

Пока взрослые разговаривали, Афея отошла чуть в сторону, сначала к витрине, потом ближе к краю улицы. И сразу заметила, что на неё смотрят. Не один человек и не двое. Взгляды попадались со всех сторон: быстрые, настороженные, слишком частые, чтобы казаться случайными.

У соседнего дома две старухи перебирали лук в деревянном ящике. Когда Афея повернула голову в их сторону, они замолчали. Одна, с впалыми щеками и платком, туго завязанным под подбородком, медленно перекрестилась.

– Та самая? – едва слышно спросила вторая.

– Тише ты, – ответила первая.

Чуть дальше на пустыре мальчишки гоняли старый мяч. Один заметил Афею, остановился и толкнул локтем другого, тёмноволосого. Тот посмотрел прямо на неё.

– Это из того дома, – сказал он достаточно громко.

– Мой дед говорил, там…

– Замолчи, – резко перебил его самый маленький из троих.

У калитки напротив сидела грузная женщина в выцветшем халате и чистила картошку в эмалированную миску. Она, не скрываясь, оглядела Афею с головы до ног.

– Господи, до чего похожа, – пробормотала она.

Афея подошла ближе.

– На кого?

Женщина вздрогнула, будто не ожидала, что с ней заговорят.

– Ни на кого. Показалось.

– На кого я похожа?

Женщина помедлила, потом всё-таки подняла глаза.

– На того, кому не стоило сюда возвращаться, – сказала она шёпотом.

– Кто это? – уже с раздражением спросила Афея.

Женщина ничего не ответила. Только быстро собрала очистки, поднялась и ушла в дом, закрыв за собой дверь.

Афея ещё смотрела на дом женщины, когда рядом кто-то сказал:

– Не слушай их.

Она обернулась. Возле дороги стояла девочка примерно её возраста, худенькая, с тёмными косами и очень бледным лицом. На ней было простое серое платье и старые сандалии. Подошла она так тихо, что Афея не заметила её.

– Почему они так смотрят? – спросила Афея.

Девочка слегка пожала плечами.

– Потому что здесь все смотрят. А если молчат, значит, знают больше, чем хотят сказать.

Афее фраза показалась странной. Как и сама девочка.

– А ты кто? – тут же спросила Афея, словно это могло что-то прояснить.

– Элис, – спокойно сказала девочка. Затем добавила: – Вы поселились у леса.

Это прозвучало не как вопрос, но Афея всё равно ответила.

– Да.

Элис на секунду отвела взгляд в сторону магазина, где Сэм всё ещё стоял со Скотом.

– Тогда тебе лучше не ходить одной после заката.

– Почему?

Теперь Элис посмотрела прямо на неё.

– Потому что лес начинает говорить.

У Афеи неприятно сжалось внутри.

– Ты тоже его слышишь?

Но Элис не ответила. Со стороны магазина раздался голос Сэма:

– Афея! Не отходи далеко!

Она обернулась всего на секунду. Когда снова посмотрела на дорогу, девочки уже не было. Только мокрая трава у обочины и мяч, медленно катившийся по пустырю.

Афея вернулась к отцу. Скот как раз прикуривал, прикрывая ладонью огонёк.

– Говорю тебе, Сэм, дом там крепкий, спору нет, – произнёс он, стряхивая пепел. – Но место непростое.

– Не начинай, Скот, – сухо ответил Сэм.

– Я и не начинаю. Просто предупреждаю. Люди здесь не всё выдумывают от скуки.

Он снова посмотрел на Афею, и на этот раз в его взгляде было не просто любопытство, а скорее узнавание, смысл которого она не понимала.

Ещё несколько секунд Скот молчал, глядя куда-то мимо них, словно прислушивался к собственным мыслям. Потом тряхнул головой, точно отгоняя лишнее, и отступил от крыльца.

– Ну, бывай, Сэм, – сказал он наконец.

Разговор был закончен. Отец положил ладонь Афее на спину и повёл её к магазину.

Внутри пахло мылом и чем-то кислым, въевшимся в пол за много лет. За прилавком стояла женщина с туго собранными волосами. Отец назвал её миссис Кейн. Она вежливо поздоровалась, но на Афее её взгляд задержался на мгновение дольше, чем требовалось, будто она пыталась сопоставить девочку перед собой с тем, о чём уже слышала.

Пока Сэм выбирал консервы, сахар, крупу и стиральный порошок, Афея медленно шла вдоль полок, не глядя на банки и коробки. Её больше занимали слова, услышанные на улице. Складывалось впечатление, что в этом городе о ней уже есть какая-то готовая история, и она одна её не знает.

У дальнего ряда стояли две женщины. Одна держала за руку мальчика лет шести, вторая перебирала банки с фасолью. Увидев Афею, они замолчали. Мальчик не сводил с неё глаз, потом дёрнул мать за рукав.

– Это она? – спросил он.

Женщина резко шикнула на него и отвела в сторону.

На кассе миссис Кейн аккуратно сложила покупки в пакеты и как будто между прочим сказала:

– Скоро школа начнётся. Ваша дочь, наверное, пойдёт в местную?

Сэм чуть замялся, но кивнул.

– Да. Придётся.

– Школа маленькая, – сказала миссис Кейн. – Здесь все друг друга знают.

Последняя фраза прозвучала двусмысленно. То ли как попытка успокоить, то ли как предупреждение.

По дороге к машине Афея молчала. Отец был занят пакетами, ключами и своими мыслями, а она снова ловила на себе чужие взгляды.

Когда они выехали из города, дома быстро остались позади. Вдоль дороги снова потянулись деревья, сырые обочины и редкие заборы. Несколько минут Сэм вёл машину молча, потом всё-таки сказал:

– Не принимай близко к сердцу. Здесь люди странные. В маленьких городах любят болтать.

Афея смотрела в окно, где по стеклу медленно ползли дождевые капли.

– А Скот кто?

– Скот Уилкс? Местный. Всю жизнь здесь прожил, кажется. Раньше часто помогал твоей бабушке: то с забором, то с крышей. Здесь все друг друга понемногу знают.

Афея чуть повела плечом.

– А тебя почему знают?

– Я же приезжал сюда, – просто ответил Сэм. – Не так часто, но достаточно, чтобы запомнили. Особенно в таком месте. Тут и нового человека замечают сразу, а если кто-то время от времени появляется годами, его никогда не забудут.

Афея кивнула, будто это её вполне устроило, но через несколько секунд всё же спросила:

– А дом у леса здесь правда такой известный?

– Да не то чтобы известный. Просто стоит на отшибе, вот и всё. В маленьких городах любая вещь, которая чуть в стороне от остальных, быстро обрастает разговорами. Особенно старый дом. Особенно рядом с лесом.

Она уже открыла рот, чтобы возразить, но передумала. Разговор всё равно ни к чему бы не привёл. Отец привык объяснять всё просто и по возможности без лишних слов. Для него любой слух оставался слухом, пока не появлялись факты.

Оставшуюся дорогу она смотрела в окно. Ей не давали покоя слова людей, девочка по имени Элис и то, как свободно все вокруг говорили о доме у леса, будто это место давно было частью местных разговоров. Скоро ей предстояло идти в школу, где, судя по всему, о ней уже что-то знали ещё до первого учебного дня.

Когда за деревьями наконец показался их дом, Афея не почувствовала облегчения. Возвращение не сделало ничего проще. Наоборот, возникло неприятное ощущение, что город не остался позади. Он тянулся за ними вместе с этими взглядами, недоговорённостями и чужими словами.

И, глядя на тёмную линию леса за домом, Афея подумала, что переезд в Гринхилл был не началом, а входом во что-то уже давно начавшееся.

Глава 3. Энди Блайт

Утро в этом месте не приносило ощущения начала. Здесь всё словно продолжалось само по себе, будто они не переехали, а просто застряли в чужой жизни.

Агнес проводила время на маленькой площадке перед домом. Она могла сидеть там часами. Она не играла по-настоящему, а просто смотрела, трогала мокрый песок и рисовала палкой на земле круги, которые сразу размывал дождь.

Афея предпочитала оставаться в доме, потому что внутри пустота ощущалась не так сильно, как снаружи. В обычном лесу всегда есть движение: шорох травы, птицы, ветер в ветвях. Здесь же, когда Афея выходила на тропу, ей казалось, будто всё вокруг затихает и просто следит за тем, как она идёт.

После обеда, когда мать снова начинала говорить про то, что надо познакомиться с соседями и нельзя всё время сидеть дома, Афея уходила сама. Ей нужно было понять, где заканчивается их новая жизнь и что находится сразу за её пределами.

В один из таких дней дождь ненадолго ослаб. Афея ушла в лес дальше, чем обычно, и в какой-то момент деревья перед ней разошлись. За ними открылась небольшая поляна.

На мокрой траве лежала листовка. Она выглядела слишком свежей для бумаги, которую могло долго носить по лесу ветром: почти не размокла, углы не были оборваны, краска не расплылась. Только поверхность слегка отсырела, будто листовка оказалась здесь совсем недавно.

Афея наклонилась и подняла её. Листовка оказалась чёрно-белой, потускневшей от времени, но всё ещё хорошо различимой. На ней был взрослый мужчина, окружённый детьми разного возраста. Кто-то смотрел прямо в объектив, кто-то в сторону.

Афея провела пальцем по бумаге, разглядывая снимок. Дети теснились вокруг него слишком плотно, не оставляя пустого места. Внизу крупным шрифтом было написано:

«Дом Индиго мистера Эш. Помощь детям, потерявшим родителей или оставшимся без поддержки».

Ниже были номер телефона, адрес и маленькая подпись: *«Чудеса в сердцах».*

Слова сразу зацепили Афею. Она машинально коснулась кулона на шее: сова лежала под футболкой, тяжёлая и по-прежнему не до конца своя.

Афея перевернула листовку. На обратной стороне был ещё один снимок, меньше и зернистее. Дом, окружённый деревьями. Старое здание с тёмными окнами.

Где-то в лесу проревел мотор. Звук был слишком резким для этой тишины, слишком механическим для такого места. Рёв звучал так, будто лесу сделали больно. Афея резко оглянулась. Ничего. Лишь мокрые стволы и серое небо.

Мотор стих, а через пару секунд повторился ближе.

Она сложила листовку, но не успела убрать её в карман. Мотор снова взревел. Афея успела повернуться, и из-за деревьев вылетел мотоцикл.

Чёрный, грязный, как будто его таскали по болотам. Он выскочил на поляну почти вплотную к ней. Афея отступила, запнулась о сорняк и упала на мокрую землю, ударившись ладонями.

Мотоцикл резко остановился. Колёса прокрутились на месте и забрызгали траву грязью. За рулём сидел темноволосый кудрявый парень, на несколько лет старше Афеи. Он тоже выглядел удивлённым, будто не ожидал встретить здесь вообще кого-либо.

Парень быстро спрыгнул с мотоцикла и протянул руку, собираясь помочь. Но Афея уже поднялась сама, резко отряхивая джинсы. Её взгляд остановил его лучше любых слов.

– Если ты искал дорогу, – сказала она, – то могу сказать, что со зрением у тебя ещё хуже, чем с реакцией!

Парень моргнул, а потом усмехнулся так, словно грубость его скорее позабавила, чем задела.

– Здесь никто не ходит. Никогда не ходил.

– Может, поэтому и не ходит, раз шанс быть сбитым здесь больше, чем на дороге!

Он качнул головой, будто признавал часть вины. Потом его взгляд зацепился за листовку в её руке.

– Подожди, – сказал он. – Это моя.

Он потянулся забрать листовку, но Афея отвела руку в сторону и подозрительно посмотрела на незнакомца.

– Твоя?

– Выпала из кармана, наверное. – Он кивнул на листовку. – Я нашёл её у бабушки дома. Старая вещь. Ей лет двадцать, не меньше.

Афея перевела взгляд на бумагу.

– Выглядит не настолько старой.

– Её напечатали незадолго до того, как приют закрыли. После этого про него ничего не известно.

Афея медленно протянула ему листовку, но не отпустила до конца.

– Что за приют?

Парень посмотрел на неё внимательнее.

– Ты правда не местная. – Он перехватил листовку. – Как тебя зовут?

– Афея Хоуп, – помедлив, ответила девочка.

– Крутое имя. – Энди слегка улыбнулся Афее. – Я – Энди Блайт. Вообще, я тоже не местный, только приезжаю иногда к бабушке. Она живёт с другой стороны леса, в городе. Ты была когда-нибудь там?

– Да, к сожалению, – протянула Афея, опуская глаза и вспоминая первую и, она надеялась, последнюю поездку в Гринхилл. Стараясь скорее сменить тему, Афея спросила: – Ну так что с приютом?

– Раньше это место называли *«Домом Индиго»*. Мужчина на фотографии был его владельцем. А потом всё быстро закрылось. Слишком быстро. И с тех пор никто толком не знает, что там происходит.

Он перевернул листовку и ткнул пальцем в маленький снимок дома.

– Но говорят, там до сих пор кто-то живёт.

– Кто?

Энди поднял на неё глаза.

– Дочь владельца. Умбра Эш.

Имя прозвучало резко и сухо.

– Умбра? – переспросила Афея.

Энди снова перевернул листовку и показал нижний угол, где у самого края действительно был ещё один снимок, маленький, бледный, потерявшийся среди текста.

На фотографии стояла девочка лет пятнадцати. Худая, очень бледная, с длинными бесцветными волосами. Черты лица у неё были тонкие, а глаза большие, светлые и внимательные, слишком спокойные для ребёнка.

Афея задержала на фотографии взгляд чуть дольше, чем собиралась.

– И что? – спросила она. – Просто живёт там одна?

Энди коротко хмыкнул.

– Вот в том-то и дело, что, говорят, не одна. До сих пор слышат голоса вокруг этого места, – продолжил он. – Взрослые, детские. То смех, то плач. Иногда будто кто-то зовёт. И никто не может толком объяснить, кто там вообще есть. Все что-то знают, но никто не говорит прямо.

Афея молчала.

– Одни думают, это бродяги, – сказал Энди. – Другие думают, что там скрываются какие-то психи. Но самые упрямые уверены, что Умбра Эш до сих пор живёт там и продолжает дело своего отца. Только уже по-своему.

– Какое ещё дело? – холодно спросила Афея.

Энди посмотрел на неё с той осторожностью, с какой обычно рассказывают то, во что и сами не до конца верят.

– Эксперименты над детьми. Или что-то вроде этого. Будто она держит их там, ставит над ними опыты, изучает их. Не знаю. Здесь любят сочинять страшилки. Но слишком многие слышали эти голоса, чтобы совсем отмахнуться.

Афея снова посмотрела на фотографию девочки.

– И никто не проверял? – спросила она.

– Проверяли когда-то. – Энди пожал плечами. – Или делали вид, что проверяли. Полицаи, которые у местных же под шумок травку покупают, вряд ли станут по-настоящему копаться в таком месте. Потом вообще перестали туда соваться. Это место стараются обходить стороной, людям проще не лезть.

Энди ещё раз посмотрел на листовку, сложил её пополам и неожиданно протянул обратно.

– Да ладно. Оставь себе.

Афея подняла на него взгляд.

– Что?

Он пожал плечами, будто это ничего не значило, хотя секунду назад держал листовку слишком бережно для человека, которому всё равно.

– Я и так уже всё, что мог, про неё слышал. А тебе, похоже, нужнее.

Афея молча взяла бумагу.

– Только не потеряй, – добавил он. – Второй такой у меня нет.

Потом, будто вспомнив о чём-то ещё, спросил:

– Ты давно тут живёшь?

– Нет. Моя семья недавно переехала. Большой дом на окраине леса.

– Тот дом не видно из-за деревьев, – сказал Энди и коротко свистнул. – Странно, что в нём вообще кто-то поселился. Там же полная глушь. Нападут, никто не узнает.

Несколько секунд Афея молчала, а потом спросила:

– Ты не знаешь, почему на меня так смотрели в городе?

Энди нахмурился.

– Как смотрели?

– Будто знают меня. Какая-то женщина сказала, что я похожа на того, кому не стоило сюда возвращаться. И ещё была девочка. Элис. Говорила какие-то глупости про лес.

На последних словах Энди уже не улыбался.

– Элис?

– Да.

Он нахмурился сильнее, и в его лице впервые появилось что-то похожее на настоящую настороженность.

– Я знаю всех здешних детей, – тихо сказал он. – И здесь нет никакой Элис.

– Может, приезжая.

– В таком месте все знают, кто приехал, кто уехал и кто чихнул на другом конце улицы, – отрезал он. – Нет здесь никакой Элис.

Афея смотрела на него, не отводя глаз. Где-то в глубине леса сухо треснула ветка, и этот обычный звук прозвучал неожиданно громко.

– Ты что-нибудь слышишь? – спросила она.

– В смысле сейчас?

– В смысле вообще. Голоса, шёпот. Будто кто-то стоит за спиной. Будто лес наблюдает. Я не шучу. Иногда мне кажется, что он следит за мной.

Энди чуть сощурился.

– И давно у тебя это?

– С тех пор как приехала, – тихо сказала она.

– Ты кому-нибудь ещё об этом говорила?

– Нет, – сказала Афея. – А надо было?

– Не знаю, – коротко ответил он.

Энди чуть склонил голову, разглядывая её, будто пытался понять, врёт она, преувеличивает или действительно говорит правду.

– Знаешь, – сказал он наконец, – ты странная.

Он произнёс это спокойно, без злости и без насмешки.

– В этом городе, по-моему, это не самый страшный недостаток, – сухо ответила она.

Энди улыбнулся.

– Это точно. – Он посмотрел в сторону чащи. – В общем, если вдруг услышишь ночью голоса со стороны леса, лучше не ходи проверять.

Энди завёл мотоцикл. Мотор снова проревел, но теперь этот звук уже не казался вторжением, а просто напоминал, что кроме леса здесь есть обычные живые люди.

– Если что, я живу возле холма. Дом старый, с зелёной крышей. На случай, если захочешь ещё что-нибудь спросить про местные истории.

– Буду знать, – ответила Афея.

Энди кивнул, тронулся с места и вскоре исчез между деревьями. Запах бензина ещё ненадолго остался в сыром воздухе, а потом и он растворился.

Афея постояла на поляне ещё несколько секунд, затем убрала листовку в карман и пошла назад. Обратная дорога заняла больше времени, чем должна была: несколько раз она сбивалась, потому что местные тропы не столько вели, сколько уводили в сторону.

Когда впереди наконец показался серый силуэт дома, легче не стало. Дом не встречал. Он просто стоял, как и в первый день, молчаливый и чужой.

Афея вошла в дом, когда мать убирала продукты и прикидывала, на сколько дней их хватит.

Афея достала листовку и положила её на стол.

– В лесу нашла, – сказала она.

Мать бросила быстрый взгляд и сразу поморщилась, будто перед ней лежала не бумага, а что-то грязное.

– Опять твои находки, – сказала она. – Не таскай домой всякий мусор.

Афея забрала листовку и сунула обратно в карман.

Поднявшись к себе, она закрыла дверь и села на край кровати. Кулон снова холодил кожу под футболкой. Дом всё ещё казался слишком тихим. В этой тишине особенно ясно ощущалось одно: взрослые старались вести себя так, будто всё под контролем, хотя этот контроль закончился ещё до переезда.

Глава 4. Разрушенное утро.

Прошло несколько дней с того момента, как Афея встретила Энди, и лес перестал быть для неё просто лесом. Теперь это было место, где у каждой тени могла оказаться история, а у каждого шороха – причина. Несколько раз она ловила себя на том, что прислушивается к звуку мотора даже тогда, когда вокруг стоит полная тишина.

Энди больше не появлялся, однако его слова остались рядом и постоянно возвращались в памяти: *«Все что-то знают, но никто не говорит прямо»*. Афея пыталась проигнорировать это, объяснить всё обычной деревенской привычкой выдумывать истории на пустом месте. Но листовка с подписью *«Чудеса в сердцах»*, до сих пор лежавшая у неё в ящике, мешала считать случившееся случайностью.

Дома легче не становилось. Мать вела себя так, словно переезд был временным неудобством, которое можно победить порядком. Отец всё чаще говорил по телефону и всегда уходил для этого к окну или в другую комнату. Агнес, наоборот, стала ещё тише. Она могла долго сидеть с карандашом и без конца выводить на бумаге круги, линии, заборы, как будто пыталась что-то показать при помощи рисунка.

Шёпот никуда не делся, но постепенно она перестала на него реагировать. Бывает, что странность повторяется так часто, что становится частью повседневности.

Гораздо больше её занимала другая мысль: через несколько дней ей придётся идти в местную школу. Она заранее представляла себе низкое здание, незнакомые лица, быстрые взгляды, которыми обычно встречают новеньких. Идти туда ей совсем не хотелось, но в этой перспективе было хоть что-то обычное. Школа казалась понятной вещью среди всего остального, что в этом месте оставалось неясным.

За эти дни Афея привыкла к мысли, что в этом доме нельзя по-настоящему расслабляться. Здесь слово «нормально» означало лишь короткий промежуток, когда ничего плохого ещё не произошло. И всё же утро, которое разбудило её, наступило слишком резко даже для такого дома.

Было ещё очень рано. Афея проснулась сразу и несколько секунд лежала неподвижно, прислушиваясь. Дождь стучал по крыше, ветер тёрся о стены, а в окно настойчиво билась птица. И где-то снаружи ещё будто держался в воздухе отголосок тяжёлого удара.

Афея села в постели. Комната тонула в темноте, но очертания мебели уже различались. Дом быстро учил ориентироваться в полумраке. Снизу не доносилось ни шагов, ни голосов. Родители либо не проснулись, либо, как это часто бывало, предпочли сделать вид, что ничего не происходит.

Комната всё ещё казалась ей чужой. В этом доме многие вещи выглядели так, словно пережили не одну семью и не особенно нуждались в новых хозяевах. Афея осторожно поставила ноги на пол, стараясь не шуметь, но доски всё равно тихо заскрипели. Она подошла к окну и отодвинула край шторы.

Во дворе нельзя было ничего разобрать. Дождь превратил землю, траву и деревья в сплошную серую массу. Лес стоял плотной стеной. Но прямо перед домом в этой размытости темнело что-то слишком большое и неподвижное, чего ещё вчера там не было.

Афея быстро спустилась по лестнице. На первом этаже темнота была плотнее: шторы оставались задёрнутыми, и дом казался закрытым не только снаружи, но и изнутри. Афея подошла к узкому окну возле входной двери, поднялась на носки и прижалась лбом к стеклу.

Во дворе лежало дерево. Большое, из тех, что росли слишком близко к дому и из окна всегда казались частью двора. Оно рухнуло боком, разорвав траву и землю. Его ствол давил на машину отца. Крыша была смята. Ветки, как пальцы, распластались по капоту. Из-под зелёной массы торчало только колесо и кусок бампера.

Афея моргнула, пытаясь быстро собраться с мыслями. Первая мысль была простой: машины больше нет. Следом пришла вторая, ещё хуже: значит, они застряли здесь надолго. Она продолжала смотреть наружу и в какой-то момент заметила движение между деревьями. Что-то быстро скользнуло в сторону и исчезло.

Афея замерла и всмотрелась внимательнее, но больше ничего не увидела. Сверху резко донёсся крик матери:

– Сэм!

Афея быстро поднялась обратно и на секунду заглянула в комнату Агнес. Сестра спала. В этот момент она показалась Афее такой маленькой, что Афея впервые за долгое время почувствовала не раздражение, а злость на весь мир: на лес, на дом, на родителей. На всё, что всегда ломалось именно там, где никто не мог это починить.

Афея вдруг поняла, что не хочет оставлять её одну наверху, пока в доме всё начинает трещать по швам. И, наверное, впервые за долгое время ей просто нужно было, чтобы рядом был кто-то свой.

Она наклонилась и тронула Агнес за плечо.

– Проснись.

Агнес приоткрыла глаза. Взгляд у неё ещё был сонный. Она медленно села на кровати и обняла колени.

Снизу хлопнула входная дверь. Родители уже вышли во двор. Голос матери, как всегда, звучал резко и раздражённо:

– Ты вообще понимаешь, что это значит?

Отец глухо ответил:

– Да понимаю я...

Афея спустилась вниз вместе с Агнес. На крыльце было холодно. Дождь уже не лил так сильно, но по-прежнему сыпал мелко и неприятно. Мать стояла возле машины и смотрела на дерево с выражением человека, которого предали. Отец ходил вокруг, трогал ветки, пытался поднять одну.

– Во время грозы упало, – сказал он наконец. – Бывает.

– Бывает, – повторила мать. – У нас всегда всё бывает.

Внутри у Афеи вдруг поднялась странная уверенность, будто эта мысль пришла не от неё самой, а откуда-то глубже, куда разум не дотягивался. Он всеми силами пытался сопротивляться и не мог поверить в случайность. И чем дольше Афея смотрела на смятый металл, тем сильнее становилось это необъяснимое чувство: всё произошло не просто так.

Афея подошла ближе. Она осмотрела ствол, ветви, мокрую землю вокруг и заметила то, на что никто не обратил внимания. На одной из веток, чуть выше места, где дерево навалилось на машину, зацепился лоскут ткани. Небольшой, тёмно-фиолетовый.

Афея протянула руку и сняла его. Ткань была сырой от дождя, но не старой и не выцветшей. Это был не обрывок мешка и не мусор, который могло принести ветром. Обычный кусок одежды, зацепившийся совсем недавно.

– Это не гроза, – сказала она.

Отец обернулся:

– Что?

– Здесь кто-то был.

Мать с раздражением резко повернула голову.

– Афея, не надо.

– Надо, – спокойно ответила она и показала лоскут. – Вот.

Отец взял ткань, повертел в пальцах, словно надеялся, что она сама объяснит своё происхождение. Потом пожал плечами.

– Ветром принесло.

Афея посмотрела на него с недоверием, но поспорить дальше не успела. Мать уже крепко взяла Агнес за руку.

– В дом. Сейчас же.

Они вернулись внутрь. На пороге Афея всё-таки обернулась. Лес стоял неподвижно и мокро темнел за двором.

Афея поднялась наверх. Лоскут она всё ещё держала в руке. Ей не хотелось оставлять его внизу, где любую странность быстро превратят в случайность. В коридоре она услышала шорох и увидела Агнес у окна. Сестра стояла молча и смотрела во двор.

Афея подошла ближе.

– Что ты делаешь?

Агнес медленно подняла руку и указала в сторону леса. Афея сразу напряглась и посмотрела туда же.

– Там никого нет.

Агнес не отвела взгляд. Потом опустила руку, повернулась к сестре и тихо сказала:

– Он был здесь.

Афея замерла.

– Кто – «он»?

Агнес не ответила. Она просто смотрела на неё, и в её взгляде было не упрямство и не испуг, а спокойная уверенность человека, который не сомневается в том, что видел.

Афея сжала фиолетовый лоскут в кулаке так сильно, что ногти впились в кожу.

– Слушай меня, – тихо сказала она. – Если ты что-то увидишь, ты должна сказать мне. Не матери. Не отцу. Мне. Поняла?

Агнес ещё секунду смотрела на неё, потом кивнула.

Всё выглядело так, будто это просто неудачное утро, одна из тех проблем, которые можно решить деньгами или временем. Но Афея уже знала, что дело не в дереве и не в машине. Что-то коснулось их жизни не случайно. И пока взрослые пытались вернуть происходящее в рамки привычного, она ясно почувствовала: если в этом доме кто-то и собирается замечать правду, то, возможно, это будет только она.

Глава 5. Место Энди.

После завтрака дом снова стал тем, чем был с самого их приезда. Мать говорила мало, но и её молчание было достаточно выразительным. Отец говорил ещё меньше, чтобы не вызвать новый спор.

Когда Афея вышла на крыльцо, они уже были во дворе. Мать стояла возле смятой машины, крепко сжав локти, словно старалась удержать себя в спокойствии. Отец ходил вокруг капота, то наклоняясь, то выпрямляясь.

– Я увезу её в ремонт. Сегодня же, – сказал Сэм.

Джил посмотрела на него тем взглядом, который Афея слишком хорошо знала.

– На чём ты её увезёшь? – в голосе Джил уже слышалось раздражение. – На руках понесёшь?

– Я позвонил Биллу, – ответил Сэм, не поднимая глаз. – Он поможет.

Он помолчал, потом добавил уже тише:

– Ключи никто не видел? Кажется, были в кармане.

– Кажется, – повторила Джил. – Сэм, ты взрослый человек.

– Перестань, – Сэм резко захлопнул капот. – Как будто проблем с машиной мне мало.

Джил указала в сторону дома.

– На тумбе. Возле телефона.

Сэм молча ушёл внутрь. Его шаги быстро стихли. Джил взяла Агнес за руку и повела к крыльцу. Агнес шла послушно, но всё время оглядывалась на Афею, словно именно старшая сестра должна была понять, что происходит и что делать дальше.

Афея осталась во дворе одна. Её тянуло к дереву не столько любопытство, сколько раздражение. Если это действительно была просто гроза, почему всё выглядело так странно? Она обошла дерево кругом и посмотрела в сторону леса, будто ждала, что между стволами до сих пор кто-то стоит и наблюдает. Но лес молчал.

Афея подошла к остаткам ствола. Дождь размыл землю и почти уничтожил следы, но кое-где мокрая грязь ещё хранила неровные вмятины. Афея присела и провела пальцами по сырой коре, потом по земле. За слишком короткое время вокруг них произошло уже слишком много странного, чтобы поверить в несчастный случай.

В этот момент позади неё шевельнулась листва.

– Что-то потеряла?

Голос прозвучал совсем близко – человеческий, спокойный, чуть ленивый. Афея резко обернулась.

Энди стоял в нескольких шагах от неё. Без мотоцикла и без привычного шума он выглядел иначе. Мокрые кудри прилипли ко лбу, низ куртки был испачкан землёй.

– Если ты опять решил пугать меня внезапным появлением, – сказала Афея, – то зря стараешься.

Энди усмехнулся и, будто подражая ей, присел рядом, рассматривая землю.

– Ну да, – протянул он. – Совершенно ясно. Здесь произошло нечто ужасное.

Он поднялся и отряхнул ладони.

– Ты правда ищешь следы?

Афея молча достала из кармана фиолетовый лоскут ткани и протянула ему.

– Это тоже гроза оставила?

Энди взял ткань, повертел её между пальцев.

– Могло зацепиться когда угодно. Ветер, старые вещи, мусор. В Гринхилле и не такое найдёшь.

Афея быстро забрала лоскут обратно.

– Ты сам говорил, что здесь происходит много странного. Все что-то знают, но никто не говорит прямо.

Энди помолчал. На секунду с его лица слетела обычная лёгкость.

– Я говорил, что тебе не стоит гулять одной, – ответил он наконец. – Но это не значит, что за каждым деревом кто-то прячется.

– А мне всё равно кажется, что кто-то здесь ходит, – сказала Афея тише. – И что он хотел, чтобы мы остались.

Энди перевёл взгляд на дом, стоявший у леса в сыром дворе.

– Тебе надо проветриться, – сказал он. – Пойдём. Я покажу одно место.

– Мне надо домой.

– Именно поэтому, – ответил Энди так, будто это действительно всё объясняло.

Он развернулся и пошёл к лесу, не дожидаясь согласия. Афея постояла ещё секунду, потом всё-таки пошла за ним.

Днём лес выглядел иначе, чем ночью, но легче от этого не становилось. Между деревьями лежал бледный свет, на мокрых ветвях блестела вода, и всё же тишины здесь было больше, чем должно быть в обычном лесу.

Энди шёл впереди уверенно, как человек, давно выучивший здесь каждую тропу. Афея молча следовала за ним, машинально отмечая ориентиры: расколотый пень у поворота, два почти сросшихся ствола, узкую канаву с тёмной водой, поваленную сосну, заросшую мхом.

Наконец деревья расступились, и впереди открылась поляна. Почти круглая, слишком ровная, словно кто-то нарочно расчистил здесь место. По краю теснились сосны, а внутри было особенно тихо, будто даже ветер обходил это место стороной.

Афея подняла голову. К одной из сосен была прибита лестница. Она уходила вверх, к тёмному дощатому силуэту.

Старый домик на дереве.

– Он крепкий, – сказал Энди, запрокинув голову и быстро глянув наверх. – Лезь. Не развалится. По крайней мере, не сразу.

Афея молча взялась за первую перекладину. Доски тихо скрипнули, но выдержали. Она поднялась и забралась внутрь.

В домике было сухо. На полу лежали старые газеты, в углу валялась перевёрнутая жестяная банка, в щелях между досками пробивалась трава, как будто лес пытался вернуть себе то, что у него отняли. У маленького окна висела выцветшая занавеска, и свет проходил через неё тускло, неровными полосами.

– Афея! – крикнул снизу Энди.

– Я здесь, – отозвалась она, выглянув в люк.

Через минуту он поднялся следом. Почти не оглядываясь, прошёл в угол, где стояла маленькая деревянная коробка под толстым слоем пыли. Энди присел, сдул с крышки пыль и открыл её. Внутри лежали старые игральные карты, ржавый складной нож, моток бечёвки, несколько стеклянных шариков, сломанный компас и тетрадь без обложки, распухшая от сырости.

– Клад? – спросила Афея, чуть склонив голову.

– Почти, – ответил Энди, перебирая содержимое коробки. – Всё, что в детстве кажется важнее нормальных вещей.

– Ты часто сюда приходил?

– Раньше – да, – сказал он. – Каждое лето. Отец построил этот домик, когда я был мелким, чтобы я не шатался где попало по лесу.

Он вытащил из коробки шарик, посмотрел на свет и снова бросил обратно.

– Я тогда жил у бабушки всё лето. Делать в Гринхилле особенно нечего, так что мы, как и все местные, таскались по лесу. Играли, лазили куда не надо, пытались что-то выследить. Бабушке это не нравилось. Тогда про лес слухов было ещё больше.

– Например? – спросила Афея, прислонившись плечом к стене.

– Например, что здесь пропадали дети. Когда приют ещё работал.

Афея нахмурилась.

– И вы всё равно сюда лезли? Глупо, не думаешь?

Энди коротко хмыкнул и сел на пол, вытянув ноги.

– Я был ребёнком. – Он пожал плечами. – Мне было любопытно.

Её взгляд снова скользнул по стенам домика.

– Но домик всё равно в лесу, – сказала она после паузы. – Почему это считалось безопаснее?

– Не знаю, – Энди повёл плечом. – Бабушке казалось, что, если я сижу в одной точке, а не шляюсь по чаще, это уже лучше. Поэтому отец и построил его для меня.

Он запнулся на секунду, потом поправил себя:

– Для нас с братом.

Афея перевела взгляд на него.

– У тебя есть брат?

– Двоюродный, – ответил Энди, проводя пальцами по краю коробки. – Том. Но почти всё детство он прожил с нами, так что я считаю его братом. Хотя он вряд ли тоже так думает.

– Почему он жил с вами? – спросила Афея.

Энди на мгновение замолчал, потом поднял на неё взгляд.

– Его родители умерли, когда ему было семь, – сказал он. – В день моего рождения.

Афея смотрела на него молча. Вид у Энди был совсем не тот, к которому она уже начала привыкать.

– Отец не мог сам забрать маму из больницы, – продолжил Энди, опустив глаза. – За ней поехали родители Тома. В тот день в больнице случился пожар.

Он говорил спокойно, как будто много раз пересказывал это.

– Почти все, кто был внутри, сгорели. Спаслись немногие. Меня успела вынести какая-то женщина – у неё тоже был ребёнок. А остальные не успели.

У Афеи неприятно сжалось внутри.

Ей не было свойственно жалеть людей. Жалость казалась ей разновидностью слабости. Большинство человеческих бед вырастало из самих людей: из их глупости, слепоты, трусости, беспомощных надежд, из привычки сначала разрушать, а потом страдать, будто это случилось само собой. Люди принимали плохие решения, цеплялись не за то, игнорировали очевидное, а после называли последствия несправедливостью. Афея не видела смысла сочувствовать тому, в чём человек хотя бы частично был виноват сам.

Но смерть не всегда спрашивала, кто заслужил её, а кто нет. В этом было что-то особенно раздражающее: полное отсутствие логики, справедливости, системы. Невозможно было даже обвинить – некого, кроме самого мира.

Поэтому в случае с Энди всё было иначе. Здесь не было ни ошибки, ни слабости, ни глупого самообмана. Только случайность, которая искалечила сразу несколько судеб.

– Мама умерла, – сказал Энди тише. – Так что нас всегда было трое: отец, Том и я. Отец, если честно, старался. Насколько умел. Но я всё равно знаю: если бы не тот пожар, всё сложилось бы иначе. У меня хотя бы была мать. А так я просто знаю, что она когда-то существовала. До меня.

Некоторое время Афея молчала.

– Мне жаль, – сказала она наконец, тихо и сухо, будто слова сами по себе были для неё непривычны.

Энди пожал плечами.

– Я даже не всегда понимаю, по кому именно скучаю, – признался он, глядя в окно. – По ней или по тому, чего у меня никогда не было. Иногда кажется, что у тебя внутри есть место, сделанное под кого-то конкретного. Даже если ты этого человека ни разу не видел. И всю жизнь ты сравниваешь реальность не с тем, что было, а с тем, чего не случилось.

Афея молчала. Она смотрела куда-то в сторону и думала, что Энди невольно произнёс вслух и часть её собственных мыслей. Может, и у неё внутри тоже было такое место, не заполнявшееся ничьим присутствием. И какая, на самом деле, разница, что её родители были живы, если это ничего не меняло? Бывают утраты не от смерти, а от невозможности быть по-настоящему нужной, понятой, увиденной. И в этом они с Энди, наверное, были куда больше похожи, чем ей казалось.

– Ну ладно, не будем о грустном. Думаю, тебе и своих проблем хватает, – сказал Энди, стараясь сменить тему. Он потянулся к коробке, немного порылся в её содержимом и вытащил размокшую тетрадь. – Если хочешь, можешь посмотреть, чем я обычно занимался в детстве.

Афея взяла протянутую тетрадь и осторожно раскрыла её. Листы были сырыми, волнистыми. На полях тянулись детские рисунки: деревья, лестницы, перекошенные домики, круги, похожие то ли на солнце, то ли на мишени.

– Это ты рисовал? – спросила она, не поднимая глаз.

– А кто ещё? – отозвался Энди, усевшись рядом. – Видишь этот дом с крышей? Я был уверен, что когда-нибудь построю себе в лесу целый лагерь с башней и тайным ходом.

– Выглядит скорее как место, где находят труп, – заметила Афея, перелистывая страницу.

Энди фыркнул. Он достал из коробки ржавый нож и щёлкнул лезвием.

– Это отец подарил. Лет в девять, кажется. Сказал: «Нож – не игрушка», а потом всё равно подарил нож ребёнку. Вот это логика.

Афея протянула руку. Энди, чуть помедлив, положил нож ей на ладонь рукоятью вперёд.

Она повертела его в пальцах.

– Значит, доверял тебе.

– Или слишком уставал, чтобы долго сомневаться, – сказал Энди, откинувшись спиной на стену. – Он всё делал быстро. Работал быстро, ел быстро, жил быстро. Если уж решал что-то, то сразу.

– И домик построил тоже быстро?

– За два дня, – ответил он, и в голосе появилась заметная теплота. – Я тогда ходил за ним по пятам и мешал. Спрашивал без остановки: «А это зачем? А это?» В какой-то момент он сказал, что ещё немного – и прибьёт меня вместе с лестницей.

– Мило, – сухо сказала Афея.

Она перевернула ещё страницу.

– А это что? – спросила она, задержав палец на круге, внутри которого были нарисованы три лестницы и тёмная точка наверху.

Энди бросил взгляд в тетрадь.

– Это я пытался нарисовать место из сна. В детстве часто снилось, что в лесу есть ещё один дом.

У Афеи внутри испуганно мелькнула мысль: а что, если этот странный дом во сне видела не только она? Но спрашивать она не стала. Вряд ли Энди вспомнил бы что-то полезное из своих детских снов. Да и есть ли разница, если это всего лишь сон?

Некоторое время они сидели молча. Потом Энди взял тетрадь из её рук, быстро полистал, нашёл страницу с особенно кривым рисунком лестницы и показал ей.

– Вот тут, кажется, я пытался нарисовать себя великим исследователем, – сказал он. – Видишь? Это, по идее, я.

Афея прищурилась.

– Это палка с волосами.

Энди рассмеялся. Афея едва заметно улыбнулась.

– Это всё равно лучше того, что обычно черкает моя сестра, – добавила Афея.

– Не спеши делать выводы, – сказал Энди. – Я думаю, она тебе ещё покажет.

Афея тихо хмыкнула.

– Младшая? – спросил Энди.

– К сожалению, да, – ответила Афея. – Агнес.

Энди покосился на неё.

– Звучит так, будто ты её не очень любишь.

– Я бы, может, и обменяла её на собаку, – сказала Афея с совершенно серьёзным видом. – Я люблю животных гораздо больше, чем людей. И мне их жалко в отличие от людей.

Энди фыркнул.

– А сестру, значит, не жалко?

Афея опустила взгляд на тетрадь.

– Агнес – это другое, – сказала она уже тише. – Она раздражает меня всё время, но это не значит, что я правда готова её на кого-то менять.

Энди коротко кивнул, словно услышал то, что хотел, и они продолжили листать тетрадь. За стенами домика тихо шуршали ветки. Где-то вдалеке стукнула птица. Несколько раз Афее казалось, что в лесу снова есть тот самый шёпот, но здесь он уже не пробирался под кожу так, как раньше.

– А ты когда-нибудь хотел просто уехать? – спросила Афея, сама не сразу понимая, почему решила спросить именно это.

– Часто, – ответил Энди, глядя куда-то в сторону окна. – А потом думаю: если уеду, всё здешнее так и останется недосказанным. Значит, я проиграл.

– То есть у тебя соревнование с городом? – уточнила Афея, чуть подняв бровь.

– С лесом, – поправил он. – Город слишком обычный.

– Самоуверенно.

– Зато честно, – сказал Энди и усмехнулся. – И красиво звучит.

Афея медленно провела пальцем по размокшему краю тетради.

– Иногда мне кажется, что если всё время уезжать, то в итоге нигде не останется места, которое можно считать своим, – сказала она после паузы. – А иногда – что место вообще ничего не значит, потому что человек всё равно тащит себя с собой.

– И какая версия тебе ближе? – спросил Энди, повернувшись к ней.

Она задумалась лишь на секунду.

– Вторая. К сожалению.

– Почему к сожалению?

– Потому что это неудобная версия, – ответила Афея, опуская взгляд. – Было бы проще свалить всё на дома, улицы, города. Но если проблема едет вместе с тобой, значит, от неё нельзя отделаться сменой места.

Энди немного помолчал, обдумывая её слова, потом качнул головой.

– Да, от себя не уедешь, – сказал он. – Но это не значит, что человек обречён таскать всё как есть. Обстоятельства задают стартовые условия, но не итог. Если всё сводить к тому, что тебя сформировало, то получается очень удобная теория беспомощности. Мол, вот причина, вот следствие, все свободны.

Афея подняла на него взгляд.

– Есть обстоятельства, над которыми мы не властны, – сказала она серьёзно. – Ты не мог предотвратить смерть матери. И всё же это определило часть твоей жизни.

– Определило часть – не значит всё, – сразу ответил Энди. – Иначе какой вообще смысл в человеке, если он только сумма того, что с ним случилось?

– Смысл не в этом, – сказала Афея, чуть нахмурившись. – Просто отрицать влияние событий – глупо. Не всё можно переработать.

– А я и не отрицаю. Я говорю, что опираться надо не на обстоятельства, а на то, что ты с ними делаешь.

Афея помолчала.

– Да ты оптимист, – сказала она с насмешкой.

– Это не оптимизм, – отозвался он. – Это факт.

На секунду между ними повисла тишина. Афея первой отвела взгляд. Она снова взяла тетрадь, полистала несколько страниц, потом вдруг спросила:

– А ты почему сегодня вообще пришёл? Не говори, что случайно.

Энди чуть помедлил, потом пожал плечами.

– Не случайно, – сказал он уже без привычной лёгкости. – Я думал о тебе.

Афея замерла и медленно подняла на него взгляд.

– Почему?

Энди тоже будто понял, как это прозвучало, но отступать не стал.

– С тобой здорово, – сказал он, глядя прямо на неё. Потом, как будто не удержавшись, добавил:

– Даже несмотря на то, что ты девчонка.

Афея сразу нахмурилась и повернулась к нему.

– А с девчонками, по-твоему, не может быть здорово? – спросила она с явным нажимом.

– Я хотел сказать, что ты первая девчонка, с которой мне не скучно, – быстро сказал Энди. – Не то, чтобы я с многими общался, но ты самая крутая.

Афея ничего не ответила.

– И ты не похожа на большинство, – добавил Энди. – Это, знаешь, редкое качество.

На секунду Афея не нашла слов. Слишком непривычно было слышать это без скрытой насмешки. Она опустила взгляд на свои руки.

– Ты тоже крутой, Энди.

Сказав это, она сразу отвернулась к окну, словно фраза оказалась слишком личной уже в момент, когда сорвалась с губ. Энди ничего не ответил, но его улыбка стала заметнее.

Они просидели в домике ещё долго. Свет за занавеской постепенно смягчился, потом начал тускнеть. Афея уже не чувствовала того напряжения, с которым шла сюда. Домик по-прежнему оставался тесным, старым и пыльным, но здесь было спокойно, и этого пока хватало.

Когда она наконец посмотрела в сторону окна, то с удивлением заметила, как сильно изменился свет. День незаметно сдвинулся к вечеру. Ветки за стеной домика темнели, воздух становился холоднее, а внутри снова возникло то странное ощущение времени, которое замечаешь только тогда, когда его почти не осталось.

Афея закрыла тетрадь и осторожно положила её обратно в коробку.

– Мне пора.

Энди тоже поднялся, чуть пригнувшись под низким потолком.

– Здесь будешь завтра? – спросил он, стараясь, чтобы это прозвучало небрежно.

– Нет, – быстро ответила Афея. – Мне не до этого.

Она тут же запнулась: фраза вышла резче, чем ей хотелось.

Энди, впрочем, только кивнул.

– Ладно, – сказал он без обиды. – Тогда на следующей неделе. Если захочешь, ищи меня здесь.

Обратно они шли молча.

Когда впереди показался дом, Энди остановился чуть поодаль от двора, будто не хотел подходить ближе. Он помолчал, потом будто что-то вспомнил, сунул руку в карман куртки и достал складной нож.

– Возьми, – сказал он, протягивая его Афее. – На всякий случай.

Она помедлила.

– Я не умею с ним обращаться, – сказала она.

– Надеюсь, тебе не придётся этому учиться. Просто пускай будет на память.

Афея уже хотела убрать его в карман, но задержалась.

– Спасибо.

Энди только кивнул.

– Не гуляй одна, – сказал он на прощание, глядя не на неё, а в сторону леса.

Потом развернулся и ушёл обратно между деревьями. Посмотрев ещё раз на ветки, за которыми скрылся Энди, Афея развернулась и направилась к дому. Лес за спиной постепенно стихал, и вместе с шагами возвращалось обычное чувство настороженности. Едва она поднялась на крыльцо, стало ясно: внутри что-то изменилось.

Афея открыла дверь. Она ещё не знала, кто именно сидит у них в гостиной, но почему-то уже чувствовала: дом, молчавший неделями, наконец дождался того, ради чего так долго выжидал.

Глава 6. Гость.

Афея зашла в дом и услышала, как мать с кем-то смеётся. На мгновение мелькнула нелепая мысль: неужели с отцом? Но он должен был уехать.

Смех был не тот, к которому она привыкла. Не короткий и колючий, как у Джил, когда та смеялась скорее от усталости или раздражения, чем от радости. Этот смех звучал мягко, по-девичьи, и оттого казался в собственном доме ещё более чужим.

Афея остановилась в прихожей, не снимая куртки. Вместе с ней с улицы вошёл сырой лесной холод, запах мокрой коры и земли после дождя. Но под этим знакомым дыханием августа в доме чувствовалось что-то ещё: новый, незнакомый запах. Землистый, древесный, слегка пряный, с нотками дыма и мха; в нём было что-то немного камфорное, терпкое и чужое. Он не принадлежал ни этому дому, ни её родителям, и оттого сразу настораживал.

Афея подошла ближе и заглянула в комнату. За столом сидела белокурая женщина. Черты её лица были острыми, глаза – светлыми, бесцветными, а широкая улыбка открывала ровные белые зубы. Длинные, густые волосы свободно лежали на плечах и спадали до края стола. В руках она держала чашку, по-видимому, с чаем.

Умбра Эш – та самая девочка с листовки. Теперь перед ней была уже взрослая женщина, но в её облике всё ещё без труда угадывались черты ребёнка с выцветшей фотографии. Даже годы не смогли стереть того странного впечатления, которое оставлял старый снимок: чего-то слишком тихого и не по-детски серьёзного.

Джил, сидевшая напротив, сразу обернулась:

– Афея, иди сюда. Познакомься – это Умбра Эш, владелица местного приюта. Умбра, это моя старшая дочь, Апофея.

Она произнесла это с такой правильной вежливостью, словно наконец оказалась в той жизни, где всё складывается как надо. Лицо у неё было мягче обычного, а в глазах мелькнуло редкое выражение, которое Афея прежде замечала у матери главным образом рядом с Агнес: желание понравиться.

– Очень приятно, милая, – ласково проговорила Умбра.

Улыбка у неё была слишком безупречной. Не фальшивой в прямом смысле слова, но такой выверенной, что Афее она сразу не понравилась. Умбра смотрела на неё внимательно и спокойно, как будто за несколько секунд успела сделать какой-то вывод.

– Да, очень, – скупо ответила Афея без малейшего признака радости.

Умбра слегка наклонила голову, будто отметила дерзость в голосе, но ничего не сказала. Вместо этого она поставила чашку на блюдце с удивительно тихим, почти неслышным звуком и продолжила разглядывать Афею без всякого стеснения. В этот момент сверху донёсся глухой шум, словно на пол уронили что-то тяжёлое.

Джил вздрогнула мгновенно.

– Я сейчас, – бросила она и поспешно вышла из гостиной.

Её шаги застучали по лестнице и быстро стихли наверху. В комнате стало странно пусто. Афея осталась стоять у входа, не зная, лучше ли уйти следом за матерью или остаться здесь. Умбра, словно заметив её замешательство, спокойно сказала:

– Присаживайся, милая. Я не кусаюсь.

Афея помедлила, потом всё-таки села, чтобы не показывать, будто ей неловко. Стул под ней тихо скрипнул. Умбра чуть подалась вперёд.

– Красивый кулон. Дорогой, не так ли? – спросила она, переводя взгляд туда, где под тканью угадывался контур подвески.

Афея машинально сжала сову через футболку.

– Возможно. Но и ваши украшения не дешёвые, не так ли?

На шее у Умбры блестел тонкий кулон, неброский, но явно не случайный. Он ловил даже слабый свет, и это завораживало. Слишком многое в ней было рассчитано на то, чтобы ловить свет.

– Есть кое-что дороже украшений, – спокойно сказала Умбра.

– Детский труд?

Вопрос прозвучал резко. Несколько секунд Умбра просто смотрела на неё с той же вежливостью, а потом ответила:

– Ум и интуиция. Ты, несомненно, не обделена ни тем, ни другим. Только пока не знаешь, как правильно ими пользоваться. Но этому можно научиться.

– Вы правы, не обделена. Именно поэтому я откажусь. И, кстати, в приюте я не нуждаюсь.

– Приют, – повторила Умбра, будто проверяя слово на слух. – Ты так думаешь?

Афея подняла на неё взгляд.

– Я так знаю, – сказала она коротко.

Умбра усмехнулась, словно получила подтверждение чему-то.

– Мне говорили, что ты трудный ребёнок, – заметила она с ленивым спокойствием.

– Мне тоже много чего говорили о Вас, – резко ответила Афея, не отводя глаз.

– И что же именно?

– Какая Вам разница? – бросила Афея.

– Есть разница. Когда ребёнок думает чужими мыслями, это понятно сразу, – проговорила Умбра, наблюдая за девочкой слишком внимательно.

– Не называйте меня ребёнком, – процедила Афея.

– Тогда не говори с таким вызовом, будто готова выдержать взрослую жизнь.

Афея сжала челюсти. Её раздражало, что Умбра отвечала так спокойно. Подобные люди всегда казались Афее особенно опасными. Они улыбались, не спешили, не повышали голос, не делали лишних движений – и именно поэтому от них хотелось отступить подальше. Грубость хотя бы честна, она предупреждает. А ласковый голос часто нужен, чтобы человек не дёрнулся слишком рано.

– Вы пришли сюда не просто пить чай, – сказала Афея, глядя на неё в упор.

– Конечно нет.

– Тогда зачем?

– Узнать тебя.

– Для чего?

– Чтобы понять, можно ли тебе помочь.

– Мне не нужна помощь, – отрезала Афея.

– Всем нужна. – Умбра чуть склонила голову, и светлые волосы упали с плеча. – Ты пытаешься казаться такой, которой не больно.

Эти слова Афея хотела бы пропустить мимо, как пропускают мимо назойливое жужжание, но они неприятно задели.

– Не пытайтесь говорить со мной так, будто знаете меня, – сказала Афея. – Вы меня не знаете.

– Я знаю достаточно, – тем же спокойным тоном ответила Умбра.

– Достаточно для чего?

– Достаточно, чтобы понять: ты не доверяешь никому, – ответила Умбра, а затем неожиданно добавила: – И, возможно, правильно делаешь.

– Что? – переспросила Афея, не скрывая непонимания.

– Подозрительность полезнее наивности. Наивность обычно дорого обходится, – сказала Умбра, чуть откинувшись.

Кулон похолодел. На долю секунды Афее показалось, что подвеска под пальцами не просто холодная, а словно откликается на голос Умбры, как стрелка компаса на близкую бурю.

Она медленно убрала руку от груди.

– Не смейте, – тихо сказала она.

– Что именно? – Умбра посмотрела на неё с той же невозмутимостью.

– Говорить так, будто вам что-то позволено.

– А тебе многое не позволяли? – спросила Умбра наиграно мягко.

Афея резко встала.

– Вы задаёте слишком много вопросов для человека, которого сюда никто не звал, – сказала она, повысив голос.

– Меня впустила твоя мать, – спокойно напомнила Умбра.

– Да. Это как раз многое объясняет.

На секунду в глазах Умбры блеснуло что-то холодное, насмешливое.

– Ты презираешь её за слабость?

– Я презираю глупость, – бросила Афея.

– Это одно и то же.

Вдруг сверху снова послышались шаги, потом лёгкий детский топот. Джил вернулась в гостиную, а следом вбежала Агнес, держа в руках лист бумаги с новым рисунком. Девочка сразу подскочила к Умбре и подняла рисунок так, чтобы его было хорошо видно.

Умбра изменилась мгновенно. Голос стал ещё мягче, улыбка – ещё теплее, взгляд – шире и живее.

– Какая прелесть! Что за чудесное дарование!

Агнес вся засияла. Джил посмотрела на младшую дочь с заметной гордостью, не скрывая радости.

Афея наблюдала за этой сценой молча. Такие минуты она помнила слишком хорошо, потому что сама в них обычно не участвовала. Не то чтобы она завидовала в прямом смысле. Зависть казалась ей слишком громким чувством. Скорее она с привычной ясностью замечала, как легко взрослые распахиваются перед тем, что выглядит мило, послушно и безвредно. Им нравилось то, что не спорит, не смотрит слишком пристально, не задаёт неудобных вопросов.

Умбра положила ладонь на плечо Агнес. Афея это заметила. И заметила, как Агнес не отстранилась. Напротив – чуть придвинулась ближе, словно к давно знакомому человеку.

– Афея, – сказала Джил, и в её голосе звучало облегчение, – почему бы тебе тоже не заняться чем-то полезным? Мисс Эш с удовольствием согласилась позаниматься с тобой. Это может помочь тебе избавиться от кошмаров.

Слово «кошмары» прозвучало слишком неожиданно. Афея внутренне напряглась. Она не рассказывала матери о своих снах. Ничего ей не рассказывала.

– Что? Заниматься со мной? Никогда в жизни! Она обманщица и мошенница! – воскликнула Афея, уже не скрывая возмущения.

Агнес испуганно смотрела то на неё, то на мать. Джил сразу выпрямилась.

– Следи за языком.

– А ты следи за тем, кого пускаешь в дом.

– Афея, – голос Джил стал жёстче, – это уже переходит все границы.

– Нет, – сказала Афея. – Это как раз и есть границы. Я их сейчас обозначаю.

Умбра даже не шелохнулась. Она не выглядела ни обиженной, ни удивлённой.

– Это уже просто хамство! Как ты можешь так говорить о человеке, который готов безвозмездно помочь? – серьёзно, уже без улыбки сказала Джил.

– Помочь? Ты правда не видишь, что она специально втирается в доверие, а потом, когда будет удобный момент, сделает что-то омерзительное? И тогда будет поздно.

– Прекрати немедленно, – сказала Джил.

– Почему? Потому что тебе приятно, что с тобой наконец разговаривают как с важным человеком?

– Афея.

– Что «Афея»? Ты вообще слышишь себя? В дом приходит женщина, о которой полгорода шепчется, и ты уже готова отдать ей...

– Хватит, – отрезала Джил.

Но Афея уже не могла остановиться. Иногда слова накапливались слишком долго, а потом выходили сразу, жёстко и с облегчением, потому что молчание становилось физически невыносимым.

– Нет, не хватит. Ты не знаешь её. Ничего не знаешь. Но тебе достаточно того, что она пришла, похлопала своими светлыми глазами и сказала пару ласковых слов. Этого уже хватило, да? Теперь она почти член семьи?

– Довольно! – Джил повысила голос, и Агнес вздрогнула.

На несколько секунд в гостиной воцарилась тяжёлая тишина. Агнес, чувствуя напряжение, придвинулась ближе к Умбре. Та больше не улыбалась. Она смотрела на перепалку внимательно и бесстрастно, а затем сказала:

– Мне лучше пойти.

Она поднялась легко и без суеты, как будто и эта часть визита была заранее предусмотрена. Джил сразу засуетилась, стала извиняться, слишком поспешно и слишком громко.

– Простите, пожалуйста. Она в последнее время очень напряжена, у неё проблемы со сном.

– Не стоит, – с безукоризненной вежливостью сказала Умбра. – Подростки часто бывают резки. Особенно если им страшно.

– Мне не страшно, – резко бросила Афея.

– Конечно, – спокойно ответила Умбра.

Она неторопливо взяла сумку и направилась в прихожую. Афея проводила её взглядом. Уже у двери Умбра вдруг остановилась и оглянулась. Не на Джил. Не на Агнес. На неё.

– Ты умная, Апофея Хоуп, – голос прозвучал прямо у Афеи в голове, хотя губы Умбры оставались плотно сжаты. *– Умным всегда тяжелее. Но зато их труднее сломать. Хотя ломать иногда и не нужно. Достаточно слегка подтолкнуть.*

И улыбнулась.

Когда дверь закрылась, Джил шумно выдохнула. Дом снова стал прежним, но ненадолго. Будто что-то вошло вместе с гостьей и не ушло до конца. В прихожей ещё держался слабый запах её духов. Афее этот запах сразу напомнил не цветы, а больницу и церковь одновременно: места, где тебе обещают помощь, а потом заставляют терпеть.

– Иди в комнату, – строго сказала Афея Агнес.

Девочка не двинулась. Она смотрела на сестру исподлобья, обиженно и упрямо.

– Я сказала, иди.

Агнес капризно поджала губы и выбежала в коридор. Заскрипела лестница на второй этаж.

Сердце у Афеи билось быстро и тяжело. Мысль о том, что мать хочет отдать её в руки главной героини городских сплетен, только сильнее разжигала злость.

Джил резко вошла обратно в гостиную.

– Что это, чёрт возьми, было? Ты вообще думаешь, что творишь?

– Я не думаю? А ты думаешь, что творишь, когда соглашаешься на глупость, которая, в лучшем случае, обернётся тем, что нам окончательно будет не на что жить, а в худшем – моей смертью!

– Откуда у тебя в голове такие глупости?

– Это не глупости. Энди Блайт мне рассказал. А ему – бабушка, которая живёт здесь и всё видит!

Джил усмехнулась коротко и зло.

– Ну да, бабушка. А ты знаешь, что его бабушка сумасшедшая? Или он не потрудился тебе это рассказать?

– С чего ты взяла?

– Её положили в дом для душевнобольных, в специальный пансионат, когда та начала выходить по ночам на улицу и ждать кого-то. Говорила: «Он скоро придёт». Только кто «он» – она так и не сказала. Так и ждёт до сих пор. Врачи сказали, что у неё какое-то расстройство психики, но она безопасна для окружающих. Просто придумывает то, чего нет.

Афея застыла. На секунду слова перестали складываться в связную мысль, просто обрушились на неё одно за другим. Перед глазами почему-то вспыхнул Энди. Он не был похож на лжеца. Скорее на человека, который слишком долго живёт рядом с чем-то непонятным.

– И поэтому ты решила, что всё, что он говорит, можно сразу выбросить? – спросила Афея.

– Я решила, что не собираюсь строить нашу жизнь на бреднях.

– Нашу жизнь? – переспросила Афея. – Интересно. Обычно я не вхожу в «нашу» жизнь.

– Не начинай.

– Нет, это ты не начинай делать вид, будто всё контролируешь. Ты не видишь очевидного. Она пришла не просто так.

– Конечно не просто так! – вспыхнула Джил. – Потому что в отличие от некоторых, она хотя бы предложила реальную помощь! Бесплатно! Без условий!

– Без условий ничего не бывает.

– Бывает порядочность.

– И ты в это веришь?

Джил резко шагнула к столу, упёрлась ладонями в спинку стула, словно ей нужно было за что-то держаться, чтобы не сорваться.

– Да, представь себе, верю. Иначе вообще жить невозможно.

На секунду Афея увидела в матери не противника, а человека, который цепляется хоть за что-нибудь, лишь бы не признать, что тонет. Но сочувствие не пришло. Оно вообще редко приходило вовремя. Обычно сначала приходила злость, потом холод, а жалость – если приходила – уже тогда, когда всё было испорчено.

– Мне всё равно, – наконец сказала Афея с холодной решимостью. – Энди в этом уверен, и я тоже. Он хотя бы пытается меня защитить, в отличие от тебя, которая слепо верит первой встречной с сомнительной репутацией. Ты наивная и глупая. Тебе плевать на меня. Всем вам плевать. Лучше бы у меня вообще не было матери, чем такая жалкая, как ты!

Слова прозвучали жёстко, и только после этого Афея поняла, что зашла слишком далеко. Но отступать было уже поздно.

Джил словно окаменела. Лицо её побледнело, губы приоткрылись, но она ничего не сказала. В её взгляде мелькнуло то, чего Афея прежде не видела: не злость, а боль. Слова дочери резали её изнутри, как острые лезвия. Она чувствовала, как горечь и отчаяние сжимаются в комок в горле.

Афея резко развернулась и вылетела из комнаты. Через несколько секунд входная дверь хлопнула так сильно, что весь дом вздрогнул. Она рванула в лес, не думая о том, куда идёт. Она хотела сбежать от этого всего: не видеть никого, не слышать никого и не слышать сводящих с ума криков до глубокой ночи, разбитой посуды и взаимных обвинений.

Афея шла быстро, потом побежала, не разбирая тропы. Ей казалось, что, если уйти достаточно далеко, шум в голове тоже останется позади. Но мысли, как назло, бежали следом. Всплывало лицо матери – побледневшее, растерянное, будто ей объявили смертный приговор; всплывала улыбка Умбры; голос, прозвучавший прямо в голове; ледяной отклик кулона. И всё это сплеталось в одно ощущение: что сегодня в доме произошло нечто большее, чем обычная ссора.

Иногда человек думает, что убегает от опасности, а на самом деле идёт ей навстречу сам. И хуже всего, что понять разницу обычно удаётся слишком поздно.

Глава 7. Внутри кошмара

Лес принял её сразу, как будто ждал. Сначала была тропа, знакомая лишь по ощущениям: мокрые корни, прилипшая к подошвам грязь, холодные ветки, которые цеплялись за рукава, словно пытались удержать. Дальше становилось темнее, плотнее, тише.

Афея бежала долго, пока в груди не начало жечь и ноги не стали ватными. И всё равно она не замедлялась. В голове продолжали звучать слова матери. Смешно. В кои-то веки мать попыталась что-то объяснить, и объяснение выглядело как оправдание собственной слепоты.

Наконец Афея остановилась. Сил бежать дальше не было. Она огляделась и услышала звон. Звук был низким, металлическим и ровным. Это был не церковный колокол и не хозяйственный шум. Скорее звук какого-то механизма.

«Может, рядом город?» подумала она. «Если так, значит, и Энди неподалёку».

Она пошла на звук. С каждым несколькими шагами звон становился отчётливее. Деревья редели, подлесок расступался, и наконец лес резко оборвался. Афея упёрлась в высокий железный забор.

Сетка была укреплена прутьями, а верх уходил дугой внутрь, как на ограждениях, через которые не так-то просто перелезть. За забором в сумерках ничего нельзя было разобрать. Только иногда мелькал слабый свет, как будто где-то в глубине двигался фонарь. Звон доносился именно оттуда.

Афея наклонилась и заметила у основания свежую грязь. На сетке остались следы: кто-то перелезал здесь совсем недавно. Грязь ещё не осыпалась и хранила форму.

Она прищурилась и увидела на одном из прутьев кусок ткани. Тёмно-фиолетовый. Сердце тяжело стукнуло. Значит, Агнес была права: кто-то действительно был у их дома. И этот же человек, возможно, сейчас находился по ту сторону забора.

Она резко обернулась, всматриваясь в лес за спиной. Между стволами уже сгущался вечерний полумрак. Нужно было возвращаться и рассказать всё родителям, нравится ей это или нет.

Афея поспешила обратно, стараясь вспомнить направление, но сразу поняла, что это будет не так просто. Она бежала сюда в злости и не следила за дорогой.

Афея пошла в противоположную сторону, пытаясь припомнить, какие повороты она делала. Лес становился всё темнее и темнее. Казалось, кто-то бродит по лесу, но это была лишь игра света и тени. За стволами сосен не было никаких пугающих фигур. Только тени, крадущиеся в полумраке.

Афея шла быстрее, уже не разбирая тропы, и в какой-то момент поняла: она не просто заблудилась. Она в ловушке. Той самой, о которой Энди говорил в шутку: *«Нападут, и никто не узнает»*.

Теперь она слишком ясно почувствовала, что лес вокруг неё не просто тёмен и неприветлив, а как будто намеренно закрыт, сомкнут, полон какой-то враждебной сосредоточенности. С каждой минутой Афее всё труднее было отделаться от ощущения, что она движется не через обычный вечерний лес, а сквозь нечто живое, молчаливо следящее за каждым её шагом.

Она продолжала идти, хотя и не была уверена, что движется в правильную сторону. Тропа давно исчезла, если вообще была, и деревья вокруг казались одинаковыми, как повторяющийся сон. Афее казалось, что времени прошло гораздо больше, чем могло пройти на самом деле.

Вдруг она услышала привычный шёпот и остановилась так резко, что под ногой хрустнула сухая ветка. Шёпот не исчез. Он доносился то справа, то слева, а потом вдруг раздался прямо за спиной. Афея напряжённо вслушивалась, чувствуя, как холодеет затылок. Среди всех голосов она на мгновение услышала одно короткое слово. Оно прозвучало медленно и отдельно, так близко, что она невольно обернулась.

– Иди.

Афея попятилась, мгновенно забыв о том, что несколько секунд назад пыталась не поддаваться страху. Сказать себе, что это воображение, оказалось уже невозможно. Несколько мгновений она стояла, не зная, что делать, а потом бегом двинулась вперёд, стараясь не смотреть по сторонам. Ей казалось, что если она задержит взгляд на одном из тёмных промежутков между стволами хотя бы чуть дольше, то увидит там что-то, чего уже не сможет забыть.

Чем быстрее она шла, тем чаще ей мерещилось, что в лесу кто-то движется вместе с ней. Казалось, будто справа от неё, на расстоянии нескольких деревьев, кто-то осторожно переставляет ноги по мокрой земле. Затем тот же звук возникал уже слева, как если бы неизвестное существо не шло следом, а держалось рядом.

Лес наконец начал редеть. Впереди между деревьями обозначился просвет. От одного этого зрелища в ней вспыхнула такая сильная надежда, что на несколько мгновений страх отступил. Она ускорила шаг, не чувствуя усталости, раздвинула ветви и вышла на небольшую поляну.

Впереди была просто тёмная масса, крупная и чужеродная среди деревьев. Затем взгляд зацепился за очертания крыши, прямые линии стен и провалы окон, и Афея остановилась так резко, словно налетела на невидимую преграду.

Она узнала дом ещё до того, как успела как следует его разглядеть. Это был тот самый дом из её кошмаров, тот, к которому она снова и снова подходила во сне, чувствуя, что должна свернуть, и всё-таки не в силах этого сделать. Теперь он стоял перед ней посреди леса.

Доски на стенах почернели от сырости и времени, крыша заметно просела, а одно из окон было заколочено изнутри кривыми, неровно прибитыми досками. Остальные окна были закрыты мутными стёклами. Крыльцо покосилось, несколько ступеней ушли в землю, словно дом медленно втягивало вниз болотистое основание.

Дверь стояла чуть приоткрытой и едва заметно покачивалась на петлях, протяжно и мягко поскрипывая. Казалось, кто-то вошёл внутрь всего несколько секунд назад, и тьма за порогом ещё не успела сомкнуться за ним.

Афея сделала осторожный шаг назад, чувствуя, как страх, до того беспорядочный и скачущий, вдруг становится тяжёлым и неподвижным. Это уже была не паника от того, что она заблудилась. Это было гораздо хуже: чувство, что она пришла именно туда, куда её вели, пусть даже сама этого не понимала.

Вдруг из дома донёсся смех. Афея отступила ещё на шаг, и смех резко оборвался. Потом из темноты за приоткрытой дверью послышался шёпот, и в нём сразу же узналось то же многоголосье, что сопровождало её в лесу. Теперь оно звучало яснее, потому что стены дома будто собирали и удерживали эти голоса, не давая им расплыться в сумерках.

– Мы слышали тебя, Афея.

Её имя прозвучало сразу в нескольких голосах. Не было никакой надежды списать это на игру нервов. Что бы ни скрывалось в доме или рядом с ним, оно знало, кто она такая. Афея смотрела на щель двери, не понимая, откуда в ней берётся сила не броситься прочь немедленно.

В этот момент из дома донёсся крик.

– Афея!

Голос был таким неожиданным, что она вздрогнула. Он раздался откуда-то из глубины дома, приглушённый стенами, но достаточно отчётливый, чтобы его узнать. Это был голос Энди.

– Афея, помоги мне!

Она не сразу поверила услышанному. Потом он позвал её снова. В его голосе звучала такая настоящая, захлёбывающаяся паника, что сомнения стали невозможны.

– Пожалуйста, открой дверь! Здесь кто-то есть!

Афея всем сердцем не хотела входить внутрь. О том, чтобы переступить порог, не могло быть и речи. Ей было слишком страшно. Настолько страшно, что она старалась не смотреть на дверь и не позволяла себе даже представить, что придётся к ней подойти.

– Афея, пожалуйста! Мне страшно!

Афея застыла. Мысль о том, что это может быть ловушка, вспыхнула у неё сразу, но куда сильнее был другой ужас: если это и правда Энди, значит, он внутри. И значит, там действительно произошло что-то страшное. Она не хотела подходить к дому. Не хотела даже приближаться к крыльцу. Но уйти означало оставить его там одного.

Поколебавшись, она подошла чуть ближе к крыльцу. Ей достаточно было подняться на две ступени и протянуть руку к двери. Расстояние между ней и порогом вдруг стало казаться абсурдно маленьким, ничтожным.

Позади, на границе поляны, лес оставался неподвижным. В тени между деревьями Афея увидела движение. Там как будто стоял кто-то или что-то. Пока ещё слишком далеко, чтобы различить очертания, но слишком близко, чтобы назвать это игрой воображения. Афея чувствовала эти взгляды.

Изнутри раздался глухой удар, после которого послышалось что-то вроде всхлипа, и Энди снова закричал, теперь уже с настоящим отчаянием:

– Не уходи! Афея, пожалуйста!

Она подняла ногу, собираясь ступить на первую ступень, но в тот же миг совсем рядом кто-то прошептал:

– Если войдёшь, не вернёшься.

Афея вскрикнула и резко отшатнулась. Она мгновенно обернулась, но рядом никого не было. Поляна лежала перед ней пустая, только сумерки сгущались между деревьями, и тонкие ветви едва заметно шевелились. Сердце колотилось с такой силой, что ей стало трудно дышать.

Секунду спустя из дома донёсся голос Энди, но теперь он звучал иначе: не испуганно, а как-то неестественно спокойно, обиженно:

– Ты же слышишь меня. Почему ты не идёшь?

Вслед за этим, совсем негромко, раздался другой голос, старческий, треснутый, словно натянутый из глубины пересохшего горла:

– Она хочет жить.

Этого оказалось достаточно. Она отступила от крыльца, потом повернулась и побежала прочь от поляны, не позволяя себе ни оглянуться, ни задуматься о том, чей именно голос она только что услышала. Лес снова сомкнулся вокруг неё, и уже через несколько шагов дом исчез из виду, будто поляны никогда не было.

Сначала ей казалось, что она просто уходит от страшного места, и если не остановится, то вскоре выберется к знакомой части леса. Но очень скоро это ощущение исчезло, вытесненное другим, гораздо более мучительным: она поняла, что за ней идут.

Шаги раздавались неритмично, как если бы преследователи не бежали следом, а перемещались вокруг, сокращая круг. Афея сразу изменила направление, стараясь не столкнуться с тем, кто был рядом. Слева в темноте мелькнул вытянутый силуэт, слишком высокий и слишком тонкий, чтобы принадлежать человеку, но стоило ей повернуть голову, как между стволами оставалась только тень.

Афея уже не пыталась держать какое-то определённое направление. Её вёл единственный, животный инстинкт: оказаться как можно дальше от дома, от голосов, от того места, где невозможное стало реальным. Однако чем дальше она бежала, тем яснее чувствовала, что расстояние не помогает. Что бы ни преследовало её, оно не отставало. Временами ей начинало казаться, что лес принадлежит этому гораздо больше, чем ей, и оно может передвигаться в этой темноте так, как человек не способен.

На одном из поворотов между деревьями прямо перед ней возникла фигура. Афея успела только рвануть в сторону и замереть, когда поняла, что перед ней стояла старуха.

Сон не подготовил её к тому, насколько страшно увидеть женщину из своих кошмаров всего в нескольких шагах. Старуха казалась надломленной, словно всё её тело давно должно было рассыпаться. Сгорбленная спина выдавалась под тонкой тканью ночной рубахи, мокрой по подолу и перепачканной грязью и кровью.

Кожа на её лице лежала странно, неровно, будто время и болезни много лет переделывали его во что-то всё менее человеческое. Щёки были ввалившимися, губы потрескались. Подбородок блестел сырой тёмной влагой. Один глаз смотрел прямо и не моргал, а другой терялся в припухшей складке кожи. Когда старуха улыбнулась, её лицо исказилось ещё сильнее.

– Зачем ты уходишь от нас? – прошептала она.

Афея не смогла ответить. Она только смотрела на старуху, чувствуя, как по телу разливается холод, сжимая грудь и живот.

– Мы тебя долго ждали, – сказала старуха уже громче. – Теперь всё будет иначе.

Она медленно подняла руку. Тонкие пальцы, похожие на когти, указали куда-то за спину Афеи, в темноту леса.

– Ты их слышишь, – продолжала старуха. – Они зовут тебя.

Афея попятилась. Теперь она была уверена, что не вообразила их. Там действительно кто-то стоял. Несколько фигур, высоких и бесформенных, будто вырезанных из более густой темноты.

Старуха чуть наклонила голову, прислушиваясь к чему-то, что оставалось недоступным для Афеи, и её улыбка стала шире, хотя в ней по-прежнему не было ничего человеческого.

– Беги, – ласково сказала она. – Как будто ещё можно убежать.

После этих слов лес сорвался с места. Сразу со всех сторон затрещали ветки, зашелестела хвоя, в глубине темноты замелькали быстрые смазанные движения. Афея уже не пыталась различить, что именно её окружает. Достаточно было самого ощущения, что в лесу пришло в движение множество голодных существ, которым, казалось, нравился её страх.

«Беги!» – трусливо проблеял голос в голове.

Она повернулась и побежала, чувствуя, как паника окончательно смывает остатки мыслей.

Теперь это была уже не просто погоня. Лес словно помогал тому, кто её преследовал. Слёзы застилали глаза, выступив не столько от плача, сколько от холодного воздуха и дикого напряжения. Она уже не знала, сколько бежит, и не была уверена, что вообще движется в правильную сторону.

Впереди мелькнуло что-то маленькое и стремительное. Афея едва не закричала, решив, что одно из существ выскочило прямо под ноги. Не желая поворачиваться к дикому, голодному зверю спиной, она очень медленно сделала шаг назад, не в силах оторвать от него взгляд. Оно набросилось быстро и резко и обхватило её лапами.

Нет. Это был не зверь. Каштановая копна волос, тонкие руки, дрожь. Агнес.

Афея оторвала сестру от себя, присела и схватила её за плечи.

– Ты что здесь делаешь?

Голос сорвался на крик, хриплый и злой от пережитого ужаса. Агнес смотрела на неё расширенными глазами, полными слёз, и сама тряслась так, словно бежала через лес не меньше часа. Агнес закрыла лицо руками и заплакала. Афея осторожно убрала её ладони от лица.

– Что случилось?

Агнес всхлипнула и выговорила:

– Монстры.

Афея почувствовала, как по спине прошёл холод. Она медленно посмотрела туда, откуда прибежала. Она не увидела ни старухи, ни дома, ни явных силуэтов между стволами. Но ей всё равно казалось, что лес смотрит на неё.

– Какие монстры? – спросила Афея.

Но Агнес не объяснила. Она смотрела на сестру так, будто ответ был слишком очевидным.

Не тратя больше времени, Афея поднялась, взяла Агнес за руку и направилась в сторону, откуда прибежала сестра, стараясь двигаться как можно быстрее. Теперь у неё появилась одна ясная цель: выбраться из леса раньше, чем то, что было снаружи, доберётся до них первым.

Глава 8. Кровавый долг

Сэмьюел Хоуп не был человеком, который верил в иллюзии. Он понимал, что всё в этом мире имеет свойство заканчиваться. Страсть со временем угасает, любовь превращается в привычку, дружба распадается из-за пустяков. Взрослые люди пересматривают жизненные приоритеты, терпение иссякает, иллюзии развеиваются. Было бы глупо думать, что хоть что-то в этом мире вечно.

Сначала Сэм убедился в этом на примере жены. Со временем она стала закатывать истерики на пустом месте. Потом не задалось с работой, где, как выяснилось, он был не таким уж незаменимым. А теперь вот и машина, тот самый пикап, который он купил на день рождения Агнес.

Джил, как всегда, устроила скандал из-за этой, по его мнению, вполне разумной покупки. По её словам, было безумием тратить деньги на машину, когда в доме только что появился ещё один ребёнок. Хотя сама она никогда не отказывала себе в покупке всякого барахла.

– Это с распродажи, – твердила Джил, оправдывая себя.

Нет, эта машина была ему очень дорога. Даже сейчас, после событий минувшей ночи, он упрямо называл её машиной, хотя теперь она больше напоминала смятую железную коробку.

Когда Сэм вышел из мастерской, на улице его ждал Билл. Он курил в машине у обочины и, едва увидев Сэма, понял ответ ещё до того, как тот успел что-либо сказать. Машина была не единственной проблемой, но теперь стала ещё одним напоминанием о том, что всё вокруг временно.

Они ехали через Гринхилл по узким дорогам, мимо редких домов, серых заборов, голых ветвей и полей, где августовская сырость делала всё ещё более бесцветным. На одном из перекрёстков их машина замедлила ход. Впереди стояли полицейская машина и скорая. Синие и красные огни отражались в мокром асфальте, размываясь на дороге неровными полосами.

Возле одного из домов собрались соседи. Их было немного, но достаточно, чтобы чувствовалась та особая тяжесть, которая возникает там, где кто-то умер. Люди не подходили близко. Они стояли в стороне, переговаривались шёпотом, поглядывали друг на друга и на крыльцо. Каждый хотел увидеть больше остальных, но никто не хотел оказаться слишком вовлечённым.

Дверь дома оставалась открытой. В этой раскрытой тёмной щели было что-то особенно неприятное, как будто сам дом уже не удерживал свою тайну и вынужден был отдать её наружу вместе с мёртвым телом.

Санитары спустились по ступеням, занесли носилки в машину скорой, и всё это выглядело так буднично, что от этого становилось ещё холоднее. Смерть всегда поражает сильнее, когда жизнь продолжает идти своим чередом.

Когда они наконец подъехали к дому, он стоял так же, как всегда: молчаливый, спрятанный, будто ему стыдно быть увиденным. Двор был пустой, и свободное место там зияло, как выбитый зуб.

– Ну бывай, – сказал Билл.

Сэм кивнул, вышел и постоял, глядя, как машина Билла уезжает.

В голове у него бились мысли, не связанные между собой, как птицы в клетке: ждать или не ждать, где взять, как взять.

Он вошёл в дом и крикнул:

– Я вернулся!

Ответила лишь тишина.

Сэм пошёл в гостиную и сразу увидел Джил. Она сидела на диване, одной рукой держась за его спинку, а другой сжимая платок. Лицо у неё было красным, глаза мокрыми, губы дрожали.

Сэм остановился на пороге.

– Джил, что… – начал он.

Она подняла на него взгляд. В нём было столько всего накопленного и несказанного за все эти годы.

– Всё из-за тебя! – закричала она. Голос сорвался на визг. – Всё твоя работа, твои дружки, твой договор! Ты испортил всё!

Сэм шагнул вперёд и попытался поднять руки в примирительном жесте, но для Джил это было как красная тряпка.

– Из-за тебя мы прячемся здесь, как крысы! – продолжала она. – Ожидая, когда нас найдут! И что ты потом будешь делать?

Сэм открыл рот, но не нашёл слов.

– Тебя не заботят ни я, ни дети! – продолжала Джил, и слёзы катились по её лицу. – Ты думаешь только о себе, о своём великом деле! О своих сделках! О своих планах!

Сэм почувствовал, как что-то внутри него ожесточается. Он устал быть виноватым, устал быть тем, кто обещал и не сделал, устал от того, что его слабость видят все и каждый разговор в конце концов упирается в неё.

– Я не думаю о себе! – выкрикнул он. – Я пытаюсь вытащить нас!

– Куда? – Джил вскочила. – В яму?

Они кричали друг на друга так громко, что ни один из них не заметил, как заскрипели ступеньки. Маленькие ноги осторожно спустились вниз. Агнес стояла на лестнице, держась за перила. Она даже не пряталась, её просто не замечали.

Она смотрела на родителей огромными тёмными глазами. В них отражались их тени. В пятне света родители уже не выглядели людьми. Они были чёрными силуэтами, которые двигались, махали руками и шипели друг на друга.

Агнес сделала шаг. Сердце стучало так часто, будто пыталось выбиться наружу. Она хотела, чтобы они остановились. Хотела, чтобы всё стало нормально.

Джил взмахнула рукой. Сэм ответил резким движением. В кухне что-то звякнуло. Потом раздался новый удар. Посуда. Осколки. Звук, похожий на выстрел.

Агнес бросилась по коридору к входной двери, морщась от каждого крика так, словно крики били по голове. Руки дрожали так сильно, что она едва смогла повернуть ручку. Когда дверь хлопнула, никто в доме этого так и не заметил.

Минуты слились в бесконечный цикл взаимных обвинений. Слова уже не имели смысла и превратились в рваные, болезненные звуки.

Сэм и Джил продолжали метаться по комнате. Их голоса срывались на хрип, не оставляя пространства для вдоха. Крики сменились хриплым рычанием и бессвязным бормотанием.

Сквозь этот шум донёсся другой звук. Сэм застыл у окна. К их дому подкатил чёрный автомобиль. Горло сжалось. Он понял всё ещё до того, как увидел лица. Это были они.

Дверь машины открылась. Из неё вышли трое мужчин. Один остался внутри. Остальные пошли к дому неторопливо, как люди, которые знают, что им откроют.

Джил, увидев их, тихо застонала.

– Сэм, – сказала она. – Сэм, нет…

Но было уже поздно. Раздался стук в дверь. Сэм открыл её.

На пороге стоял мужчина, которого Сэм уже видел раньше, и после каждой встречи с ним плохо спал. Блэйд Дэвел.

Лицо у него было спокойным. В глазах не было гнева и не было спешки. Взгляд оставался холодным и внимательным. На губах играла едва заметная улыбка.

Он выглядел как человек, который не считает жестокость чем-то особенным, а воспринимает её просто как часть работы.

– Добрый вечер, Сэмьюэл, – произнёс он так невозмутимо, будто зашёл обсудить дела за чашкой кофе. – Вижу, семейный вечер.

Он перевёл взгляд через плечо Сэма, на комнату, на Джил, на дешёвую лампу и на следы бедности, застывшие в каждой вещи.

– Уютно, – добавил он.

Сэм сглотнул.

– Я найду деньги, – быстро сказал он. – Мне нужно время. Ещё немного. Я уже продал дом, я почти…

– Почти, – мягко перебил Блэйд. – Это чудесное слово. Люди вроде тебя всегда живут внутри него. Почти выплатил. Почти выкрутился. Почти спас семью. Почти стал мужчиной.

Он шагнул в дом, и Сэм отступил, даже не заметив этого. Блэйд вошёл так естественно, словно всегда имел право переступать чужие пороги.

– Видишь ли, Сэмьюэл, – продолжил он, медленно снимая перчатки, – мне не нужны обещания. И уж тем более мне не нужно твоё жалкое «почти». Время, единственная вещь, которую ты у меня действительно украл. А я не люблю, когда у меня воруют.

Джил стояла рядом с Сэмом.

– Мы вам всё вернём, – сказала она. Голос дрожал. – Только уходите.

Блэйд повернулся к ней с учтивым интересом.

– Как трогательно, – сказал он. – Когда долги на шее у мужчины, расплачивается почему-то всегда женщина. Либо деньгами, либо достоинством. У этой страны, право, есть свои традиции.

Сэм шагнул вперёд.

– Не трогай её.

– А вот это уже похоже на голос мужчины, – усмехнулся Блэйд. – Жаль, проснулся поздно.

Он медленно прошёлся взглядом по стенам, фотографиям, семейным снимкам и детским лицам в рамках. На них он задержался чуть дольше, чем требовалось.

– Дочери, верно? – спросил он буднично. – Удивительно. Смотришь на такие фотографии и хочется верить, что люди ещё способны что-то беречь. А потом узнаёшь, что отец семейства залез в долги, начал лгать, прятаться и оправдываться. И сразу понимаешь: нет, не способны.

Сэм рвано вдохнул.

– Не смей даже говорить о них.

– Почему? – Блэйд слегка наклонил голову. – Я привык разговаривать с людьми на языке, который они понимают.

Джил сделала шаг к нему.

– Оставь детей в покое.

Он посмотрел на неё и улыбнулся.

– Вы, миссис… – Он нарочно сделал паузу, словно пытался вспомнить её фамилию. – Хоуп. Вы до сих пор не поняли, в каком положении находитесь. Меня не интересуют ваши условия. Не интересуют мольбы. И меньше всего меня интересует материнская храбрость. Она всегда такая громкая в начале и такая бесполезная в конце.

– Пошёл ты, – выдохнула Джил.

Сэм повернулся к ней.

– Джил, замолчи…

– Нет, – сказала она, не отводя глаз от Блэйда. – Нет, я не буду молчать перед этой мразью.

На мгновение всё застыло. Потом Блэйд едва заметно кивнул, словно принял решение, и достал пистолет. Сэм даже не сразу понял, что происходит.

– Не надо, – выдохнул он. – Подожди. Подожди, я сказал!

Джил вскинула подбородок. Страх был у неё в глазах, но за ним стояло что-то крепче. Ненависть.

– Давай, – сказала она. – Покажи, какой ты сильный.

Выстрел ударил по дому, как расколотый гром. Джил дёрнулась и рухнула на пол, сбив стул. Всё произошло так быстро, что Сэм ещё секунду смотрел на неё стоя, будто мозг отказывался принимать случившееся. Только потом он сорвался с места с ужасным криком, в котором уже не было ни слов, ни смысла, а только голая, бесполезная ярость.

Но люди Блэйда были готовы. Один бросился сзади. Другой перехватил Сэма за плечи, вывернул ему руки и прижал его к стене. Сэм бился, хрипел и рвался так, словно мог одной яростью отменить случившееся.

– Джил! Джил!

Она не отвечала.

Блэйд смотрел на это без малейшей жалости. Потом подошёл ближе, настолько близко, что Сэм почувствовал запах его одеколона, дорогого и невыносимо чужого в этом доме.

– Вот теперь, – тихо сказал Блэйд, – мы можем поговорить по-настоящему.

Сэм рванулся к нему, но хватка только усилилась.

– Ублюдок! – прохрипел он. – Я убью тебя!

– Нет, – спокойно ответил Блэйд. – Не убьёшь. Ты вообще уже ничего не сделаешь. Это и есть самая неприятная часть, Сэмьюэл. Не боль, не страх. Беспомощность. Осознание того, что ты стоишь здесь, дышишь, смотришь и не способен защитить вообще никого.

Он наклонился.

– А знаешь, что будет самой красивой частью этой истории?

Сэм замер, тяжело дыша. Блэйд говорил почти ласково.

– Приедет шериф. Увидит скромный дом, мёртвую жену и мёртвого мужа. Соседи расскажут, что ты пил, кричал и терял контроль. Что у тебя были долги. Что ты продал дом. Что ты сходил с ума.

Он сделал паузу.

– И все поверят в старую, привычную американскую трагедию. Примерный семьянин не выдержал давления, застрелил жену, а потом себя.

Он слегка качнул пистолетом в руке, словно это был реквизит в спектакле.

– Люди обожают понятные истории. Они заставляют их чувствовать себя в безопасности. Никто не любит правду, если правда неудобна.

Сэм смотрел на него остекленевшими глазами.

– Ты больной.

– Возможно, – согласился Блэйд. – Но это не мешает мне быть правым.

Он играючи поднял ствол и приставил его к голове Сэма. Блэйд делал всё медленно и открыто, словно хотел, чтобы Сэм точно понял, что сейчас произойдёт.

Сэм затрясся всем телом. От ужаса, от ярости, от невозможности вырваться. Оттого, что последние секунды жизни ему приходилось провести, глядя на человека, который наслаждался чужим крахом.

– Посмотри на неё, – тихо сказал Блэйд. – Последний шанс. Муж должен смотреть на жену. Хотя бы в конце не подведи.

Сэм снова закричал и рванулся, выкрикивая всё сразу: имя Джил, проклятия, угрозы и мольбы.

Блэйд вздохнул, будто устал от шума.

– Вот теперь, – прошептал он, – похоже на финал.

Раздался выстрел. Голова Сэма безвольно дёрнулась в сторону. Тело обмякло в руках людей Блэйда, а затем рухнуло на пол рядом с Джил. Один из людей Блэйда вытер кровавую ладонь о куртку и молча отвёл взгляд.

Только Блэйд оставался невозмутимым. Он убрал оружие и оглядел комнату: фотографии, стол, перевёрнутый стул и два тела на полу. Лишь тогда он сказал:

– Найти девчонок. Они не могли уйти далеко.

Он развернулся и пошёл к двери. Дом, который говорил неделями, теперь замолчал навсегда.

Глава 9. Монстры здесь

Афея старалась идти так быстро, как только могла. Сердце стучало в такт шагам, страх и решимость гнали её вперёд. Агнес дрожала и так крепко цеплялась за сестру, что Афея чувствовала боль.

Наконец лес начал редеть, и вскоре появилась тропа к дому. Чем ближе они подходили, тем сильнее Афея чувствовала, что что-то не так. В окнах не было привычного тусклого света. Не доносился голос отца, не слышно было и обычной ругани, которую порой можно было разобрать ещё на подходе. Дом стоял слишком тихо, слишком неподвижно.

Машины отца не было, зато у дома стоял другой автомобиль, незнакомый. Большой, тёмный, с гладкими боками, будто специально созданный для того, чтобы не отражать свет. Фары были выключены, но в салоне кто-то сидел.

Афея остановилась, втянула Агнес в густые кусты орешника у края тропы и заставила её присесть на корточки. Ветки царапнули лицо, листья зашуршали, и этот звук показался Афее оглушительным. Она сразу замерла, прислушиваясь, не заметили ли их. Ничего.

Человек в автомобиле не двигался. Он сидел за рулём, чуть откинувшись назад. Из-за отражения на стекле Афея не могла различить его лицо, только силуэт головы и слабое красное мерцание. То ли огонёк сигареты, то ли приборная панель.

Афея быстро перебрала варианты. Бежать обратно в лес, но тогда куда? К Энди? Жив ли он вообще? Что, если он действительно был в том доме? К тому же, если их будут искать, то станут проверять все дома поблизости. Тащить за собой опасность к нему означало сделать его частью этого. А он и так уже стоял слишком близко ко всему странному, что происходило вокруг неё.

Можно было попробовать обойти дом сзади и подкрасться к окну кухни. Можно было бросить камень в другую сторону, отвлечь того, кто сидит в машине, а потом проскользнуть к чёрному ходу. Можно было. Она поймала себя на том, что строит планы с холодной, математической точностью, как будто это не её дом и не её родители находятся внутри.

На одно короткое мгновение мысль целиком захватила Афею: если понадобится, она сможет убить. Не ради родителей. Не ради себя. Ради Агнес. Эта мысль не испугала её. Она просто встала внутри, как нечто необходимое.

Афея осторожно раздвинула ветки и вгляделась внимательнее.

Сестра едва слышно выдохнула:

– Монстры…

Афея повернулась к ней.

– Слушай меня, – прошептала она. Её голос вдруг стал твёрже, взрослее. – Ни звука. Что бы ни случилось, ты сидишь здесь, пока я не скажу.

Агнес вцепилась ей в рукав.

– Не уходи.

– Я не уйду далеко, – солгала она. – Только посмотрю.

Афея начала отползать чуть влево, к старому пню, чтобы добраться до груды камней у дорожки. Один из них она заметила сразу: тяжёлый, с острым краем. Ей нужно было только дождаться, чтобы мужчина вышел из машины или отвернулся. Если внутри родители живы, медлить нельзя. Если мертвы, тем более нельзя оставаться здесь.

Но в этот момент Агнес вдруг вырвалась. Она выскользнула из кустов и побежала к машине. Маленькие кулаки застучали по стеклу, глухо и быстро.

– Агнес! – прошипела Афея, бросаясь за ней.

Поздно. Человек в салоне шевельнулся. Окно медленно опустилось.

– Хватит барабанить, мелкая дрянь, – сказал мужчина низким голосом.

Теперь Афея увидела его как следует. Невысокий, плотный, лет сорока с лишним, в песочном костюме, который выглядел нелепо. Вытянутый лоб, крупный нос, маленькие чёрные глаза под густыми бровями. На лице застыло выражение тупого раздражения.

Агнес смотрела на него широко раскрытыми глазами, а потом начала стучать по двери ещё сильнее, уже в истерике.

– Уходи! – выкрикнула она.

Мужчина выругался, выбрался наружу, резко схватил её за плечо и оттолкнул. Афея уже была рядом. Она заметила на земле тяжёлый камень, подхватила его и ударила мужчину по голове. Тот сразу рухнул на землю. По виску потекла тёмно-красная кровь.

На секунду Афея застыла. Жив он или мёртв, она не понимала. И не была уверена, что хочет знать. Она распахнула дверцу машины и увидела на сиденье серый металлический кейс. Его явно держали под рукой не просто так. Афея схватила кейс. На замке был код.

– Держи, – быстро сказала она и сунула кейс Агнес.

Потом присела рядом с мужчиной, нащупала у него кобуру и вытащила пистолет, сунув его за пояс джинсов. В кармане его пиджака нашлась визитка. Афея убрала её к себе.

В этот момент из дома донеслись выстрелы. Афея выхватила кейс у Агнес, схватила сестру за руку, и они бросились в лес. Позади послышались голоса. Затем раздался топот, а через несколько секунд снова грянули выстрелы. Пули били по стволам деревьев, в стороны летела щепа. Афея бежала, не оглядываясь. Сейчас было важно только одно: не останавливаться.

Они уходили всё глубже между деревьями. Сзади ещё какое-то время слышались крики со стороны дома, но потом они стали тише. Они петляли между деревьями ещё несколько минут, пока впереди не показался свет. Это была тонкая полоска среди стволов. Афея прищурилась. Может быть, дорога. Может быть, заправка. Может быть, просто место, где можно попросить помощи.

Свет становился всё сильнее, будто выдавливал тьму из-под веток, ослеплял и заставлял щуриться. Неужели получилось? Дорога? Люди? Ещё миг. Ещё секунда.

Афея не успела ни подумать, ни крикнуть. Они вырвались из леса, и в этот момент перед ними промчалось что-то так близко, что сердце застыло. Машина. Красная, хотя в ярком свете казалась кровавой. Она резко свернула, колёса взвизгнули, и автомобиль остановился, едва не влетев в дерево.

Стекло опустилось. Из окна выглянул высокий мужчина. На лоб ему падали растрёпанные русые волосы. Острые скулы делали лицо жёстче, прямой нос подчёркивал угловатость лица, а щетина на подбородке добавляла возраста. Тонкие губы были сжаты в ровную холодную линию.

– О чёрт, – выдохнул он, глядя на них.

Афея не стала ничего объяснять. Она подхватила Агнес, подбежала к машине, распахнула заднюю дверь и втолкнула сестру внутрь. Потом забралась сама. Мужчина обернулся к ним с выражением изумления и раздражения.

– Что происходит?

– Вперёд! – выкрикнула Афея. – Сейчас же!

Он замешкался всего на секунду. Было видно, что помогать он не собирался и уж точно не ждал ничего подобного. Но из леса снова донёсся крик, и этого оказалось достаточно. Мужчина резко нажал на газ.

Машина сорвалась с места. Через несколько секунд тёмная кромка леса осталась позади. Некоторое время в салоне слышны были только шум дороги и тяжёлое дыхание Агнес.

Мужчина бросил взгляд в зеркало заднего вида.

– Так, – сказал он. – Теперь кто-нибудь объяснит, что происходит?

– Нам нужно в полицию, – сказала Афея, стараясь говорить спокойно.

Мужчина коротко хмыкнул.

– В полицию? – переспросил он так, словно это предложение показалось ему нелепым. – Нет. В полицию я не поеду.

– На наш дом напали. Там убили людей.

Он проигнорировал её слова.

– Как вас зовут? – спросил он после паузы, не отрывая взгляда от дороги.

– Какая разница? – фыркнула Афея.

– Такая, что я предпочитаю знать имена тех, кто может втянуть меня в неприятности.

– Афея.

Он кивнул.

– А это? – спросил он, указывая на Агнес и кейс у неё на коленях.

– Агнес.

Мужчина снова посмотрел в зеркало на младшую девочку. Та не подняла глаз. Он перестроился, свернул на более узкую дорогу и спросил:

– Сколько их было?

– Я видела машину у дома. Один сидел внутри. Ещё несколько были в доме, – ответила Афея, глядя в окно.

– Вооружены?

Афея на секунду замялась, потом достала из-за пояса пистолет и показала ему.

Мужчина резко выругался.

– Ты издеваешься? Убери это. Немедленно. И, ради всего святого, скажи, что он хотя бы на предохранителе, – прошипел он, вглядываясь в оружие.

– Я не знаю.

– Конечно, не знаешь.

Он протянул руку назад, не оборачиваясь.

– Дай сюда.

Афея не шевельнулась.

– Нет, – упрямо ответила она.

– Девочка, у тебя в руках пистолет.

– Уже не в руках, – сказала Афея, положив пистолет на колени.

– Не умничай. Дай.

– А если ты решишь остановиться и выгнать нас?

– Тогда пистолет тебя не спасёт, если ты не умеешь им пользоваться, – ответил он сухим, пугающим тоном.

После короткой паузы Афея всё же протянула оружие вперёд. Мужчина быстро взял его, уверенным движением проверил, выдохнул сквозь зубы и протянул обратно Афее.

– Заряжен, – сказал он. – Поздравляю. Вы сегодня отлично провели вечер.

Агнес тихо всхлипнула. Мужчина дёрнул плечом, словно этот звук был ему неприятен.

– Я не умею разговаривать с детьми, если что, – буркнул он.

– Мы заметили, – ответила Афея.

Он снова коротко хмыкнул. Потом посмотрел на кейс.

– Что внутри?

– Не знаю, – Афея пожала плечами.

– Но всё равно тащишь с собой предмет, из-за которого тебя, возможно, будут искать по всему округу.

– Да.

– Иногда мне кажется, что разумные люди вымерли, – сказал он.

– Иногда мне кажется, что разумные люди просто трусливее остальных, – тихо ответила Афея.

В салоне стало тихо. Мужчина постучал пальцами по рулю, потом коротко посмотрел на неё в зеркало.

– Это тебе кто сказал?

– Жизнь, наверное, – ответила Афея, отвернувшись.

Он молчал несколько секунд. Когда заговорил снова, голос стал серьёзнее:

– Слушай внимательно. Если эти люди работают на кого-то, они будут искать не вас. Они будут искать то, что вы утащили.

Афея почувствовала, как внутри всё стянулось. Она перевела взгляд на кейс. Агнес держала его так, словно он принадлежал ей с рождения.

– Тогда надо его выбросить, – сказала Афея, хотя уже знала, что не сделает этого.

– Возможно.

– Но сначала нужно понять, что в нём.

– Возможно.

– Ты можешь открыть? – с надеждой спросила Афея.

– Нет. Я не фокусник.

– Тогда отвези нас туда, где можно его открыть, – потребовала она.

– Не слишком ли много просьб для тех, кого я узнал пять минут назад?

– Мы хотим жить.

Он резко выдохнул носом.

– Ладно, допустим. Есть два варианта. Первый, простой. Ничего не делать. Сдаться. Вас поймают. В лучшем случае вы останетесь живы. В худшем…

Он не закончил.

– Или второй вариант, – продолжил он. – Сложный. Спрятаться.

– Уехать? – быстро спросила Афея. – Куда? Где жить?

– Я сказал: спрятаться, а не просто уехать. Это значит, что никто не должен вас видеть. Придётся забыть свои имена, школу, документы, обычную жизнь. Забудьте, что вы дети.

Он на мгновение замолчал, а потом добавил:

– И забудьте, что кто-то будет вам помогать.

Афея хотела возразить, но слова застряли в горле. Спрятаться. Не уехать на время, не переждать у знакомых, а по-настоящему скрыться, чтобы исчезнуть для всех навсегда. Она крепче сжала пальцы Агнес и ясно поняла: ничего из прежней жизни уже не вернуть.

Через некоторое время впереди показалась заправка. Под фонарями белели колонки, рядом стояло низкое здание магазина. Вокруг было пусто. Свет здесь был слишком ярким после леса, слишком обычным, будто мир решил не замечать, что всего в нескольких милях от этих ламп уже кончились чьи-то жизни.

Мужчина сбросил скорость.

– Дальше сами, – сказал он.

– Ты просто нас высадишь? – спросила Афея.

– А ты чего ожидала?

– Я ожидала, что взрослый человек не бросит двух девочек ночью на заправке после того, как услышал всё это.

– Взрослый человек, – сухо сказал он, – уже остановился, подобрал вас, увёз от опасности и не задал половины вопросов, которые должен был. Не путай помощь с добротой.

– Ты боишься?

– Конечно, боюсь, – ответил он, удивив её своей честностью.

Афея не нашлась, что сказать. Она не ожидала, что незнакомец ответит так прямо. Машина остановилась, и девочки выбрались наружу. Афея по-прежнему держала Агнес за руку. Кейс казался тяжелее с каждой минутой.

– Эй, – окликнул мужчина уже из машины.

Афея обернулась.

– Когда будут спрашивать, как вы сюда добрались, придумай другого человека, – сказал он. – У меня проблемы с копами.

Афея молча смотрела на него. Он перевёл взгляд на Агнес. Та прижималась к сестре, как тень.

Он уже собрался тронуться, но всё-таки добавил:

– Удачи.

И резко нажал на газ.

Афея смотрела вслед машине, пока красные огни не исчезли в темноте. Ей хотелось назвать его трусом. Хотелось разозлиться на то, что он уехал, как и все взрослые, которые всегда находят причину уйти вовремя. Но он мог вообще не остановиться. Мог просто проехать мимо. Но не сделал этого.

Глава 10. Заправка.

Заправка стояла на выезде, одинокая, словно забытая у дороги. Низкое здание с облупившейся белой краской, два ряда колонок, под навесом тусклая лампа, мигавшая так лениво, будто и ей не хотелось бодрствовать этой ночью. Асфальт был липким от бензина и старого масла. В лужах отражались чёрное небо без звёзд и красная табличка над дверью: «*Открыто*».

Внутри стоял запах старого кофе и дешёвого средства для мытья пола. Средство почти не скрывало запах табачного дыма. Радио под потолком тихо шуршало, а потом прорезалось песней. Такие песни ставят ночью, когда людям ещё нужно ехать и не заснуть. На полках стояли чипсы, пыльные банки с арахисом, дешёвые игрушки в прозрачных пакетах, дорожные карты, батарейки и ароматизаторы для машин.

- Вам помочь? — раздался голос за спиной.

Дежурный оказался мужчиной лет шестидесяти, с помятым лицом и настороженным взглядом. Рубашка с нашивкой имени была расстёгнута чуть больше, чем полагалось, и от него тянуло табаком.

- Да. У вас есть телефон? Мне нужно срочно позвонить, — сказала Афея неестественно спокойным тоном.

Мужчина прищурился. На мгновение в его лице мелькнуло любопытство, но быстро уступило место привычной осторожности. Он оглядел обеих: грязную одежду, мокрые ботинки, кейс, который явно был тяжёл для ребёнка. Только после этого кивнул.

- Там. У кассы.

Афея взяла Агнес за ладонь. Телефон стоял на полке рядом с кассой, тяжёлый, бежевый, с грязноватым витым проводом. Афея быстро набрала *911*, не отводя взгляда от стеклянной двери. Ей всё время казалось, что она сейчас распахнётся и внутрь войдут они: те, что были у дома, чёрные силуэты с живыми глазами.

Гудки тянулись дольше, чем должны были. За это время она успела заметить множество ненужных вещей: трещину на пластике трубки, прилипшую к полу обёртку от жвачки, комара, бившегося о люминесцентную лампу. Мозг цеплялся за мелочи с холодной жадностью.

- 9-1-1, какая у вас чрезвычайная ситуация? — голос был женский, чёткий и слишком бодрый для того, что Афея собиралась сказать.

Афея сглотнула. Во рту пересохло.

- Убийство. Двое взрослых. Техас, округ Брукс, Гринхилл, Вуд-стрит, 127. Срочно, — сказала она быстро, почти шёпотом, и сразу бросила трубку.

Она понимала, что этого мало. Нужно было сказать больше: кто, что произошло, что там дети, что была погоня, что звучали выстрелы. Но если бы она начала объяснять, то пришлось бы вспоминать всё по порядку, а на это у неё сейчас не было ни времени, ни сил.

Дежурный наблюдал за ней уже без попытки делать вид, что ему всё равно. Теперь он смотрел так, как смотрят на неприятность, случайно возникшую посреди спокойной смены: с настороженностью и мысленным подсчётом будущих проблем.

Афея отвернулась от него. Они с Агнес сели на одну из лавок. Агнес уронила голову сестре на плечо, закрыла глаза и, казалось, уснула. Хотя как можно было уснуть после всего произошедшего?

Афея долго сидела, глядя на проезжавшие мимо машины. Кто-то останавливался, чтобы заправить бак, кто-то уезжал. Мир продолжал жить своей обычной жизнью, словно ничего не случилось.

Афея думала о том, что теперь будет с ними. Единственное, что радовало этой ночью, — на улице было не слишком холодно. Но конец августа уже давал о себе знать. Скоро ночи станут холоднее.

Что же с ними будет? Возможно, их определят в приёмную семью. Вдруг новая семья окажется любящей и действительно заинтересованной в их жизни? Тогда, может быть, не так уж плохо, что родителей больше нет. Афея резко замотала головой, с ужасом осознавая, о чём думает.

Кто сказал, что теперь будет лучше? А если новая семья окажется ещё более жестокой, чем прежние родители? И что, если их с Агнес разделят? Нет, Афея не хотела ни в какую приёмную семью.

Но что же тогда? Кажется, у её дедушки была сестра. Жива ли она ещё? Согласится ли приютить их у себя? Хотя кому они теперь нужны, нищие сироты?

А что, если те, кто убил их родителей, не остановятся на этом и начнут искать их самих? Как от них защититься, если даже не знаешь, кто они такие?

Вдруг Афея полезла в карман, вспомнив о бумажке, которую достала из кармана того мужчины. Возможно, там было хоть что-то, способное пролить свет на убийц. Но пальцы нащупали только кусок ткани, найденный на заборе в лесу, складной нож, подаренный Энди, и несколько монет. Ничего из этого сейчас не могло ей помочь.

Агнес подняла голову и смотрела на монеты так внимательно, будто надеялась, что их вдруг окажется больше. Потом подняла глаза на сестру. В её взгляде было простое и очень понятное ожидание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.